

«Детское чтение для сердца и разума»

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

11

детской

■ 2015 (197)

6+

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

ЧЕСТЬ ИМЕЮ!
Денис Давыдов

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ:
Китайские яблоки
и маленькие гвоздики

ЖИВОЙ УГОЛОК:
Про котёнка

Дмитрий Мамин-Сибиряк
Лесная сказка

Художник Б. Мишин

Фёдор Тютчев

Листья

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть ввек не желтеет,
Но ввек не свежа.
Мы ж, лёгкое племя,
Цветём и блестим
И краткое время
На сучьях гостим.
Всё красное лето
Мы были в красе,
Играли с лучами,
Купались в росе!..
Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели,
Зефиры ушли.
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь!
О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей!
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим,
Летите, летите!
Мы с вами летим!
1830

В. Васнецов
Призвание варягов
1909 г.

В номере:

3

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Лесная сказка

Сказка о том, как жила-была последняя Муха

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Разносторонний художник большого дарования:

Андрей Гончаров

21

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Китайские яблоки и маленькие гвоздики

22

ЧЕСТЬ ИМЕЮ!

Надежда Бессонова

Лучшие дни его молодости

25

РАССКАЗЫ

Геннадий Киселёв

Новенький

29

УГОЛОК РОССИИ

Олег Трушин

Памятник тюленю

30

ЧЕСТЬ ИМЕЮ!

Александр Барков

Военная хитрость Дениса Довыдова

33

ЖИВОЙ УГОЛОК

Наталья Безотосная

Про котёнка

34

РАССКАЗЫ

Владимир Волков

Новые знакомые моей внучки

35

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор

Юрий Козлов

Зам. главного редактора

Екатерина Рощина

Художественное
редактирование

Татьяна Погудина

Генеральный директор

Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение

Александр Муравенко

Главный бухгалтер

Людмила Дьячкова

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего

и профессионального
образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге
агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ООО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации
№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано

в ОАО «Первая Образцовая
типография»

Филиал «Чеховский
Печатный Двор»

(142300, Московская обл., г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1)

Факс: 8 (496) 726-54-10,

Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела
продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpd.ru

e-mail: sales@chpd.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 5331

© «Роман-газета», 2015 г.

Выпуск издания осуществлён

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Авторов материалов,
использованных в этом номере,
просим обращаться в редакцию

Художник Г. Лопачёва

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Лесная сказка

I

У реки, в дремучем лесу, в один прекрасный зимний день остановилась толпа мужиков, приехавших на санях. Подрядчик обошёл весь участок и сказал:

— Вот здесь рубите, братцы... Ельник отличный. Лет по сту каждому дереву будет...

Он взял топор и постучал обухом по стволу ближайшей ели. Великолепное дерево точно застонало, а с мохнатых зелёных ветвей покатались комья пушистого снега. Где-то в вершине мелькнула белка, с любопытством глядевшая на необыкновенных гостей; а громкое эхо прокатилось по всему лесу, точно разом заговорили все эти зелёные великаны, занесённые снегом. Эхо замерло далёким шёпотом, будто деревья спрашивали друг друга: кто это приехал? Зачем?..

— Ну, а вот эта старушка никуда не годится... — прибавил подрядчик, постукивая обухом стоящую ель с громадным дуплом. — Она наполовину гнилая.

— Эй ты, невежа, — крикнула сверху Белка. — Как ты смеешь стучать в мой

дом? Ты приехал только сейчас, а я прожила в дупле этой самой ели целых пять лет.

Она щёлкнула зубами, распушила хвост и так зашипела, что даже самой сделалось страшно. А невежа-подрядчик не обратил на неё никакого внимания и продолжал указывать рабочим, где следовало начать порубку, куда складывать дрова и хворост.

Что было потом, трудно даже рассказать. Никакое перо не опишет того ужаса, который совершился в каких-нибудь две недели. Сто лет рос этот дремучий ельник, и его не стало в несколько дней. Люди рубили громадные деревья и не замечали, как из свежих ран сочились слёзы: они принимали их за обыкновенную смолу. Нет, деревья плакали безмолвными слезами, как люди, когда их придавит слишком большое горе. А с каким стоном падали подрубленные деревья, как жалобно они трещали!.. Некоторые даже сопротивлялись, не желая поддаваться ничтожному человеку: они хвата-

лись ветвями за соседние деревья во время своего падения. Но все было напрасно: и слёзы, и стоны, и сопротивление. Тысячи деревьев лежали мёртвыми, как на поле сражения, а топор всё продолжал своё дело. Деревья-трупы очищались от хвои, затем оголённые стволы разрубались на равные части и складывались правильными рядами в поленницы дров. Да, самые обыкновенные поленницы, которые мы можем видеть везде, но не всегда думаем, сколько живых деревьев изрублено в такую поленницу и сколько нужно было долгих-долгих лет, чтобы такие деревья выросли.

Уцелела одна старая ель с дуплом, в котором жила старая Белка с своей семьёй. Под этой елью рабочие устроили себе балаган и спали в нём. Целые дни перед балаганом горел громадный костёр, лизавший широким, огненным языком нижние ветки развесистого дерева. Зелёная хвоя делалась красной, тлела, а потом оставались одни обгоревшие сучья, топорщившиеся, как пальцы. Старая Белка была возмущена до глубины души этим варварством и громко говорила:

— Для чего всё это сделано?.. Кому мешал красавец лес? Противные люди! Нарочно придумали железные топоры, чтобы рубить ими деревья... Кому это нужно, чтобы вместо живого, зелёного леса стояли какие-то безобразные поленницы? Не правда ли, старушка Ель?

— Я ничего не знаю и ничего не понимаю, — грустно ответила Ель, вздрагивая от ужаса. — Моё горе настолько велико, что я не могу даже подумать о случившемся... Лучше было погибнуть и мне вместе с другими, чтобы не видеть

всего, что происходило у меня на глазах. Ведь все эти срубленные деревья — мои дети. Я радовалась, когда они были молодыми деревцами, радовалась, глядя, как они весело росли, крепили и поднимались к самому небу. Нет, это ужасно... Я не могу ни говорить, ни думать!.. Конечно, каждое дерево когда-нибудь должно погибнуть от собственной старости; но это совсем не то, когда видишь срубленными тысячи деревьев в расцвете сил, молодости и красоты.

Люди, срубившие деревья, почти совсем не говорили о них, точно всё так было, как должно быть. Они заботились теперь о том, как бы поскорее вывезти заготовленные дрова и уехать самим. Может быть, их мучила совесть, а может быть, им надоело жить в лесу, — вернее, конечно, последнее.

К ним на помощь явились другие. Они в несколько дней сложили приготовленные дрова на воза и увезли, оставив одни пни и кучи зелёного хвороста. Вся земля была усыпана щепками и сором, так что зимнему ветру стоило больших хлопот засыпать эту безобразную картину свежим, пушистым снегом.

— Где же справедливость? — жаловалась Ветру старая Ель. — Что мы сделали этим злым людям с железными топорами?

— Они совсем не злые, эти люди, — ответил Ветер. — А просто ты многого не знаешь, что делается на свете.

— Конечно, я сижу дома, не шатаюсь везде, как ты, — угрюмо заметила Ель, недовольная замечанием своего старого знакомого. — Да я и не желаю знать всех несправедливостей, какие делаются. Мне довольно своего домашнего дела.

— Ты, Ветер, много хвастаешься, — заметила в свою очередь старая Белка. — Что же ты можешь знать, когда должен постоянно лететь сломя голову всё вперед? Потом, ты делаешь часто большие неприятности и мне, и деревьям: нагонишь холод, снегу...

— А кто летом гонит к вам дождевые облака? Кто весной обсушит землю? Кто?.. Нет, мне некогда с вами разговаривать! — ещё более хвастливо ответил Ветер и улетел. — Прощайте пока...

— Самохвал!.. — заметила вслед ему Белка.

С Ветром у леса велись искони неприятные счёты главным образом зимой,

когда он приносил страшный северный холод и сухой, как толчёное стекло, снег. Деревья к северу повёртывались спиной и тянулись своими ветвями на юг, откуда веяло благодатным теплом. Но в густом лесу, где деревья защищали друг друга, Ветер мог морозить только одни вершины, а теперь он свободно гулял по вырубленному месту, точно хозяин, и это приводило старую Ель в справедливое негодование, как и Белку...

II

Наступила весна. Глубокий снег точно присел, потемнел и начал таять. Особенно скоро это случилось на новой поруби, где весеннее солнце припекало так горячо. В густом лесу, обступавшем порубь со всех сторон, снег ещё оставался, а на поруби уже выступали прогалины, снеговая вода сбегала ручьями к одному месту, где под толстым льдом спала зимним сном Речка Безымянка.

— Что вы меня будите раньше времени? — ворчала она. — Вот снег в лесу стает, и я проснусь.

Но её все-таки разбудили раньше. Проснувшись, река не узнала своих берегов; везде было голо, и торчали одни пни.

— Что такое случилось? — удивлялась Речка, обращаясь к одиноко стоявшей старой Ели. — Куда девался лес?

Старая Ель со слезами рассказала старой приятельнице обо всем случившемся и долго жаловалась на свою судьбу.

— Что же я теперь буду делать? — спрашивала Речка. — Раньше лес задерживал влагу, а теперь всё высохнет... Не будет влаги, — не будет и лесных ключиков с холодной водой. Вот горе!.. Чем я буду поить прибрежную траву, кусты и деревья? Я сама высохну с горя...

А весеннее солнце продолжало нагревать землю. Дохнул теплом первый весенний ветерок, прилетевший с тёплого моря. Набухли почки на берёзах, а мохнатые ветви елей покрылись мягкими, светлыми почками. Это были молодые побеги новой хвои, выглянувшие зелёными глазками. Через мокрый, почерневший снег, точно изъеденный червями, пробился своей жёлтой головкой первый Подснежник и весело крикнул тоненьким голоском:

— Вот и я, братцы!.. Поздравляю с весной!

Прежде в ответ сейчас же слышался весёлый шёпот елей, кивавших своими ветвями первому весеннему гостю, а теперь всё молчало кругом так, что Подснежник был неприятно удивлён таким недружелюбным приёмом. Когда развернулась цветочная почка и Подснежник глянул кругом жёлтым глазком, он ахнул от изумления: вместо знакомых деревьев торчали одни пни; везде валялись кучи хвороста, щеп и сучьев. Картина представлялась до того печальная, что Подснежник даже заплакал.

— Если бы я знал, то лучше остался бы сидеть под землёй, — печально проговорил он, повёртываясь на своей мохнатой ножке. — От леса осталось одно кладбище.

Старушка Ель опять рассказала про своё страшное горе, а Белка подтвердила её слова. Да, зимой приехали люди с железными топорами и срубили тысячи деревьев, а потом изрезали их на дрова и увезли.

Не успел этот разговор кончиться, как показались перистые листья папоротников. В густом дремучем лесу трава не растёт, а мох и папоротник — они любят и полусвет, и сырость. Их удивление было ещё больше.

— Что же? Нам ничего не остаётся, как только уйти отсюда, — сурово проговорил самый большой Папоротник. — Мы не привыкли жариться на солнце...

— И уходите... — весело ответила зелёная Травка, выбившаяся откуда-то из-под сора нежными усиками.

— А ты откуда взялась? — сурово спросила старая Ель незваную гостью. — Разве твоё место здесь? Ступай на берег реки, к самой воде...

Весело засмеялась зелёная Травка на это ворчанье. Зачем она пойдёт, когда ей и здесь хорошо? Довольно и света, и земли, и воздуха. Нет, она останется именно здесь, на этой жирной земле, образовавшейся из перегнившей хвои, моха и сучьев.

— Как я попала сюда? Вот странный вопрос! — удивлялась Травка, улыбаясь. — Я приехала, как важная барыня... Меня привезли вместе с сеном, которое ели лошади: сено-то они съели, а я осталась. Нет, мне решительно здесь нравится... Вы должны радоваться, что я покрою всё зелёным, изумрудным ковром.

— Вот это мило! — заметила Белка, слушавшая разговор. — Пришла неизвестно откуда, да ещё разговаривает... А впрочем, что же, пусть растёт пока, особенно если сумеет закрыть все эти щелы и сор, оставленные дровосеками.

— Я никому не помешаю, — уверяла Травка. — Мне нужно так немного места... Сами будете потом хвалить. А вот вы лучше обратите внимание вон на те зелёные листочки, которые пробиваются из-под щеп: это осина. Она вместе со мной приехала в сене, и мне всю дорогу было горько. По-моему, осина — самое глупое дерево: крепости в нём никакой, даже дрова из неё самые плохие, а разрастается так, что всех выживает.

— Ну, это уж из рук вон! — заворчала старая Ель. — Положим, старый ельник вырублен, но на его месте вырастут молодые ёлочки... Здесь наше старинное место, и мы его никому не уступим.

— Когда ещё твои ёлочки вырастут, а осинник так разрастётся, что всё задушит, — объяснила Белка. — Я это видела на других порубях... Осина всегда занимала чужие места, когда хозяйева уй-

дут... И вырастает она скоро, и неприхотлива, да и живёт недолго. Пустое дерево, вечно что-то бормочет, а что — и не разберешь. Да и мне от него поживы никакой.

В одну весну на свежей поруби явились ещё новые гости, которые и сами не умели объяснить, откуда явились сюда. Тут были и молодые рябинки, и черемуха, и малинники, и ольхи, и кусты смородины, и верба; все эти породы жалась главным образом к реке, оттесняя одна другую, чтобы захватить местечко получше. Ссорились они ужасно, так что старая Ель смотрела на них, как на разбойников или мелких воришек, которые никак не могли разделить попавшуюся в руки лакомую добычу.

— Э, пусть их, — успокаивала её Белка. — Пусть ссорятся и выгоняют друг друга. Нужно подождать, старушка. Только бы побольше уродилось шишек, а из шишек выпадет семя и народятся маленькие ёлочки.

— У тебя только и заботы, что о шишках! — укорила Ель лукавую лакомку. — Всякому, видно, до себя...

Порубь заросла вся в одну весну и новой травой, и новыми древесными породами, так что о сумрачных папоротниках не было здесь и помину. В зелёной, сочной траве пестрели и фиолетовые колокольчики, и полевая розовая гвоздика, и голубые незабудки, и ландыши, и фиалки, и пахучий шалфей, и розовые стрелки иван-чая. Недавняя смерть сменилась яркой жизнью молодой поросли; а в ней зачирикала, засвистела и рассыпалась весёлыми трелями разная мелкая птичка, которая не любит глухого леса и держится по опушкам и мелким зарослям. Приковылял в своих валенках и косой заяц: щипнул одну травку, попробовал другую, погрыз третью и весело сказал Белке:

— Это повкуснее будет твоих шишек... Попробуй-ка!..

III

С тех пор как вырубил лес у реки, прошло уже несколько лет, и порубь сделалась неузнаваемой. С вершины старой Ели виднелось точно сплошное зелёное озеро, разлившееся в раме тёмного ельника, обступившего порубь со всех сторон зубчатой стеной. Старая Белка, бывшая свидетельницей порубки, успела в это

время умереть, оставив целое гнездо молоденьких белочек, резвившихся и прыгавших в мохнатой зелени старой Ели.

— Посмотрите-ка, что там делается, на реке, — просила старушка Ель своих бойких квартиранток. — Меня ужасно это беспокоит... Кажется, довольно здесь набралось всяких деревьев, а идут всё новые... Насильно лезут вперёд, продираются, душат друг друга, — это меня удивляет! Мне, наконец, надоели эта суматоха и постоянные раздоры... Прежде было так тихо и чинно, каждое дерево знало своё место, а теперь точно с ума все сошли...

Белочки прыгали к реке и сейчас же приносили невесёлый ответ:

— Плохо, бабушка Ель... По реке вверх поднимаются новые травы и цветы, новые кустарники, и всё это стремится на порубь, чтобы захватить хоть какой-нибудь кусок земли.

— Э, пусть идут: мне теперь всё равно, — печально шептала старушка Ель. — Мне и жить осталось недолго.

Время в лесу шло скорее, чем в городах, где живут люди. Деревья считали его не годами, а десятками лет. Происходило это, вероятно, потому, что деревья живут гораздо дольше людей и растут медленнее. С другой стороны, существовали однолетние растения, для которых весь круг жизни совершался в одно лето, — они рождались весной и умирали осенью. Кустарники жили десять-двадцать лет, а потом начинали хиреть, теряли листья и постепенно засыхали. Лиственные деревья жили ещё дольше, но до ста лет выживали одни липы и берёзы, а осины, черёмухи и рябины погибали, не дожив и половины. С лиственными деревьями пришли и свои травы, и цветы, и кустарники — эта весёлая зелёная свита, которая не встречается в глухих хвойных лесах, где недостает солнца и воздуха и где могут жить одни папоротники, мхи и лишайники.

Главными действующими лицами на поруби являлись теперь река Безымянка и Ветер — они вместе несли свежие семена новых растений и лесных пород, и таким образом происходило передвижение растительности. Через двадцать лет вся порубь заросла густым смешанным лесом, точно зелёная щётка. Посторонний глаз ничего здесь не разобрал бы — так перемешались разные породы

деревьев. Зелёная трава и цветы первыми покрыли свежую порубь, а теперь они должны были отступить на берег реки и лесные опушки, потому что в густой заросли им делалось душно, да и солнца не хватало.

Но среди светлой зелени лиственных пород скоро показались зелёные стрелки молодых ёлочек, — они целой семьёй окружали старую, дуплистую ель и, точно дети, рассыпались по опушке оставшейся нетронутой стены старого дремучего ельника.

— Не пускайте их! — кричала горькая Осина, шелестя своими дрожавшими листиками. — Это место наше... Вот как они продираются. Пожалуй, и нас выгонят...

— Ну, это ещё мы посмотрим, — спокойно ответили зелёные Берёзки. — А мы не дадим им свету... Загораживайте им солнце, — отнимайте из земли все соки. Мы ещё посмотрим, чья возьмёт...

Завязалась отчаянная война, которая особенно страшна была тем, что она совершалась молча, без малейшего звука. Это была общая война лиственных пород против молодой хвойной поросли. Берёзы и осины протягивали свои ветви, чтобы загородить солнечные лучи, падавшие на молодые ёлочки. Нужно было видеть, как томились без солнца эти несчастные ёлочки, как они задыхались, хирели и засыхали. Ещё сильнее шла война под землёй, где в темноте не-

утомимо работали нежные корни, со-
савшие питательную влагу. Корешки
травы и цветов работали в самом верх-
нем слое почвы, глубже их зарывались
корни кустарников, а ещё глубже шли
корни берёз и молоденьких ёлочек.
Там, в темноте, они переплетались меж-
ду собой, как тонкие белые волосы.

— Дружнее работайте, детки! — обо-
дряла их старая Ель. — Не теряйте вре-
мени...

Вся беда была в том, что берёзы росли
быстрее ёлочек, но, с другой стороны,
ёлочки оставались зелёными круглый
год и пользовались одни светом и солн-
цем, пока берёзки спали зимним сном.

— Бабушка, нам трудно, — жалова-
лись Ёлочки каждую весну. — Одолеют
нас берёзы летом. Они в одно лето выра-
стут больше, чем мы — в два года.

— Имейте терпение, детки! Ничего
даром не даётся, а всё добывается тяжё-
лым трудом... Дружнее работайте!..

Кусты отступили первыми; им нечего
было здесь делать. Они скромно исчезли,
уступив место более сильным лесным по-
родам. Молодому осиннику приходилось
также плохо: его теснили берёзы.

— Вы это что же делаете? — спроси-
ли Осины. — Мы прежде вас пришли
сюда, а вы нас же начинаете выжи-
вать... Это бессовестно!..

— Вы находите, что бессовестно? —
смеялись весёлые Берёзки. — Только мы
нисколько не виноваты... Вас всё равно
выгонят отсюда вот эти ёлочки, как
только они подрастут. Вы уж лучше ухо-
дите сами подброду-здорову и поищите
себе другого места. Только мешаете нам.

— Мы им мешаем?! Мы им меша-
ем?! — шептали огорчённые листики
бедной Осины. — Это называется просто
нахальством. Вы пользуетесь правом
сильного. Да... Когда-нибудь вы раска-
етесь, когда самим придётся плохо...

— Ах, отстаньте, надоели! Некогда
нам разговаривать с вами...

Плохо пришлось осинкам, когда их за-
гнали в самый угол поруби; с одной сто-
роны на них наступал молодой березняк,
а с другой — молодая еловая поросль.

— Батюшки, погибаем! — кричали
несчастные Осинки. — Господа, что же
это такое? Двое на одного...

— Уходите! Уходите! — тысячами го-
лосов кричали Ёлочки. — Вы нам толь-
ко мешаете... Смешно плакать, когда
идёт война. Нужно уметь умирать с до-
стоинством, если нет силы жить...

— А где же у нас рябины и черёму-
хи? — спрашивал насмешник-Ветер,
прилетавший поиграть с молодыми бе-
рёзками. — Ах, бедные, они ушли со-
всем незаметно, чтобы никого не побес-
покоить...

Большой шалун был этот Ветер: каж-
дую веточку по дороге нагнёт, каждый ли-
сточек поцелует и с весёлым свистом ле-
тит дальше. Ему и горя мало, как другие
живут на свете, и только самому бы погу-
лять. Правда, зимой, в холод, ему прихо-
дилось трудненько, и Ветер даже стонал и
плакал, но ему никто не верил; это горе
было только до первого весеннего луча.

IV

Прошло пятьдесят лет. От старой пору-
би не осталось и следа. На её месте под-
нималась зелёная рать молодых елей,
рвавших в небо своими стрелками.
Среди этой могучей хвойной зелени си-
ротами оставались кой-где старые берё-
зы, — на всю порубь их было не больше
десятка. Там, где торжествовали смерть
и разрушение, теперь цвела молодая
жизнь, полная силы и молодого весе-
лья. В этой зелени выделялась своей по-
буревшей вершиной одна старая Ель.

— Ох, детки, плохо мне... — часто
жаловалась старушка, качая своей бу-
рой вершиной. — Нехорошо так долго
заживаться на свете. Всему есть свой
предел... Теперь я умру спокойно, в сво-
ей семье, — а то совсем было осталась на
старости лет одна-одинёшенька.

— Бабушка, мы не дадим тебе умереть! — весело кричали молодые Ели. — Мы тебя будем защищать и от ветра, и от холода, и от снега.

— Нет, детки, устала я жить... Довольно. Меня уже точат и черви, и жучки, а сверху разъедают кору лишайники.

— Тук, тук!.. — крикнул пёстрый Дятел, долбивший старую Ель своим острым клювом. — Где жучки? Где червячки? Тук... тук... тук... Я им задам!.. Тук... Не беспокойтесь, старушка, я их всех вытащу и скушаю... Тук!..

— Да ведь ты меня же долбишь, мою старую кору? — стонала Ель, возмущённая нахальством нового гостя. — Прежде в дупле жили белки, так те шишки мои ели, а ты долбишь меня, мое деревянное тело. Ах, приходит, видно, мой конец.

— Ничего. Тук!.. Я только червячков добуду... Тук, тук, тук!..

Молодые ёлочки были возмущены бессовестностью дятла; но что поделаешь с нахалом, который ещё уверяет, что трудится для пользы других! А старая Ель только вздрагивала, когда в её дряблое тело впивался острый клюв. Да, пора умирать.

— Детки, расскажу я вам, как я попала сюда, — шептала старушка. — Давно это было... Мои родители жили там, на горе, в камнях, где так свистит холодный ветер. Трудно им приходилось, особенно по зимам... Больше всех обижал Ветер: как закрутит, как засвистит... Северная сторона у елей вся была голая, а нижние ветви стлались по земле. Трудно было и пищу добывать между камнями. Корни оплетали камни и крепко держались за них. Ель — неприхотливое дерево и крепкое, не боится ничего. Сосны и берёзы не смели даже взглянуть туда, где мои родители зеленели стройной четой. Выше их росли только болотная горная трава да мох... Красиво было там, на горе... Да... На такую высоту только изредка забегали белки да зайцы. Одна такая белка подобрала между камнями спелую еловую шишку и утащила сюда, в свой дом, а из этой шишки выросла я. Здесь привольнее, чем на горе, хоть и не так красиво. Вот моя история, детки... Долго я жила и скажу одно, что мы, ели, — самое крепкое дерево, а поэтому другие породы и не могут нас одолеть. Сосна тоже хорошее дерево, но не везде может расти... Вот

пихты и кедры — те одного рода с нами и также ничего не боятся...

Все слушали старушку с приличным молчанием, а папоротники широко простирали свои листья-перья. В молодом лесу уже водворились сырость и вечная полумгла, какие необходимы этому красивому растению. О полевых цветах и весёлой зелёной травке не было и помину, а от старых берёз оставались одни гнилые пни, в которых жили мыши и землеройки. Следы поруби исчезли окончательно.

Настал и роковой день. Это было среди лета. С вечера ещё ветер нагнал тёмную тучу, которая обложила половину неба. Всё притихло в ожидании грозы, и только изредка налетал ветер. В воздухе сделалось душно. Весело журчала одна Безымянка: ветер принесёт ей новой воды. Обновилась и зелёная травка, которую несколько дней жгло солнце.

— Эй, берегись! — свистал Ветер, проносясь по верхушкам елей. — Я вас всех утешу, только стоять крепче.

Потом всё стихло. Сделалось совсем темно. Где-то далеко грянул первый гром, а туча уже закрыла все небо. Ослепительно сверкнула молния, и раздался новый, страшный удар грома прямо над лесом. Где-то что-то затрещало и зашумело. Посыпались первые крупные капли дождя, и рванулся ветер, а там — новый удар грома. Эта канонада продолжалась в течение целого часа, а когда она кончилась и буря пронеслась, старая Ель лежала уже на земле. Она рухнула под тяжестью пережитых лет и старческого бессилия. Когда взошло солнце и под его лучами ярко заблестела омытая дождём зелень, не оказалось только одной бурой вершины старой Ели...

Сказка о том, как жила-была последняя Муха

Как было весело летом! Ах, как весело! Трудно даже рассказать всё по порядку. Сколько было мух, — тысячи. Летают, жужжат, веселятся. Когда родилась маленькая Мушка, расправила свои крылышки, ей сделалось тоже весело. Так весело, так весело, что не расскажешь. Всего интереснее было то, что с утра открывали все окна и двери на террасу — в какое хочешь, в то окно и лети.

— Какое доброе существо человек, — удивлялась маленькая Мушка, летая из окна в окно. — Это для нас сделаны окна, и отворяют их тоже для нас. Очень хорошо, а главное — весело.

Она тысячу раз вылетала в сад, посидела на зелёной травке, полюбовалась цветущей сиренью, нежными листиками распускавшейся липы и цветами в клумбах. Неизвестный ей до сих пор садовник уже успел вперёд позаботиться обо всём. Ах, какой он добрый, этот садовник! Мушка ещё не родилась, а он уже всё успел приготовить, решительно всё, что нужно маленькой Мушке. Это было тем удивительнее, что сам он не умел летать

и даже ходил иногда с большим трудом — его так и покачивало, и садовник что-то бормотал совсем непонятное.

— И откуда только эти проклятые мухи берутся? — ворчал добрый садовник.

Вероятно, бедняга говорил это просто из зависти, потому что сам умел только копать гряды, рассаживать цветы и поливать их, а летать не мог. Молодая Мушка нарочно кружилась над красным носом садовника и страшно ему надоедала.

Потом, люди вообще так добры, что везде доставляли разные удовольствия именно мухам. Например, Алёнушка утром пила молочко, ела булочку и потом выпрашивала у тёти Оли сахару, — всё это она делала только для того, чтобы оставить мухам несколько капелек пролитого молока, а главное — крошки булки и сахара. Ну, скажите, пожалуйста, что может быть вкуснее таких крошек, особенно когда летаешь всё утро и проголодаешься? Потом, кухарка Паша была ещё добрее Алёнушки. Она каж-

дое утро нарочно для мух ходила на рынок и приносила удивительно вкусные вещи: говядину, иногда рыбу, сливки, масло, — вообще самая добрая женщина во всём доме. Она отлично знала, что нужно мухам, хотя летать тоже не умела, как и садовник. Очень хорошая женщина вообще!

А тётя Оля? О, эта чудная женщина, кажется, специально жила только для мух. Она своими руками открывала все окна каждое утро, чтобы мухам было удобнее летать, а когда шёл дождь или было холодно, закрывала их, чтобы мухи не замочили своих крылышек и не простудились. Потом тётя Оля заметила, что мухи очень любят сахар и ягоды, поэтому она принялась каждый день варить ягоды в сахаре. Мухи сейчас, конечно, догадались, для чего это всё делается, и лезли из чувства благодарности прямо в тазик с вареньем. Алёнушка очень любила варенье, но тётя Оля давала ей всего одну или две ложечки, не желая обижать мух.

Так как мухи за раз не могли съесть всего, то тётя Оля откладывала часть варенья в стеклянные банки (чтобы не съели мыши, которым варенья совсем не полагается) и потом подавала его каждый день мухам, когда пила чай.

— Ах, какие все добрые и хорошие! — восхищалась молодая Мушка, летая из окна в окно. — Может быть, даже хорошо, что люди не умеют летать. Тогда бы они превратились в мух, больших и прожорливых мух, и, наверное, съели бы всё сами. Ах, как хорошо жить на свете!

— Ну, люди уж не совсем такие добряки, как ты думаешь, — заметила старая Муха, любившая поворчать. — Это только так кажется. Ты обратила внимание на человека, которого все называют «папой»?

— О да. Это очень странный господин. Вы совершенно правы, хорошая, добрая старая Муха. Для чего он курит свою трубку, когда отлично знает, что я совсем не выношу табачного дыма? Мне кажется, что это он делает прямо назло мне. Потом, решительно ничего не хочет сделать для мух. Я раз попробовала чернил, которыми он что-то такое вечно пишет, и чуть не умерла. Это, наконец, возмутительно! Я своими глазами видела, как в его чернильнице тонули две

такие хорошенькие, но совершенно неопытные мушки. Это была ужасная картина, когда он пером вытащил одну из них и посадил на бумагу великолепную кляксу. Представьте себе, он в этом обвинял не себя, а нас же! Где справедливость?

— Я думаю, что этот папа совсем лишён справедливости, хотя у него есть одно достоинство, — ответила старая, опытная Муха. — Он пьёт пиво после обеда. Это совсем недурная привычка! Я, признаться, тоже не прочь выпить пива, хотя у меня и кружится от него голова. Что делать, дурная привычка!

— И я тоже люблю пиво, — призналась молоденькая Мушка и даже немного покраснела. — Мне делается от него так весело, так весело, хотя на другой день немного и болит голова. Но папа, может быть, оттого ничего не делает для мух, что сам не ест варенья, а сахар опускает только в стакан чаю. По-моему, нельзя ждать ничего хорошего от человека, который не ест варенья. Ему остаётся только курить свою трубку.

Мухи вообще отлично знали всех людей, хотя и ценили их по-своему.

Лето стояло жаркое, и с каждым днём мух являлось всё больше и больше. Они падали в молоко, лезли в суп, в чернильницу, жужжали, вертелись и приставали ко всем. Но наша маленькая Мушка успела сделаться уже настоящей большой мухой и несколько раз чуть не погибла. В первый раз она увяз-

ла ножками в варенье, так что едва вы-ползла; в другой раз спросонья налете-ла на зажжённую лампу и чуть не спа-лила себе крылышек; в третий раз чуть не попала между оконных створок, — вообще приключений было достаточно.

— Что это такое: житья от этих мух не стало! — жаловалась кухарка. — Точно сумасшедшие, так и лезут везде. Нужно их изводить.

Даже наша Муха начала находить, что мух развелось слишком много, особенно в кухне. По вечерам потолок покрывался точно живой, двигавшейся сеткой. А когда приносили провизию, мухи бросались на неё живой кучей, толкали друг друга и страшно ссори-лись. Лучшие куски доставались толь-ко самым бойким и сильным, а осталь-ным доставались объедки. Паша была права.

Но тут случилось нечто ужасное. Раз утром Паша вместе с провизией принес-ла пачку очень вкусных бумажек — то есть они сделались вкусными, когда их разложили на тарелочки, обсыпали мелким сахаром и облили тёплой водой.

— Вот отличное угощение мухам! — говорила кухарка Паша, расставляя та-релочки на самых видных местах.

Мухи и без Паши догадались, что это делается для них, и весёлой гурьбой на-кинулись на новое кушанье. Наша Му-ха тоже бросилась к одной тарелочке, но её оттолкнули довольно грубо.

— Что вы толкаетесь, господа? — обиделась она. — А впрочем, я уж не та-кая жадная, чтобы отнимать что-нибудь у других. Это, наконец, невежливо.

Дальше произошло что-то невозмож-ное. Самые жадные мухи поплатились первыми. Они сначала бродили, как

пьяные, а потом и совсем свалились. Наутро Паша намела целую большую тарелку мёртвых мух. Остались живы-ми только самые благоразумные, а в том числе и наша Муха.

— Не хотим бумажек! — пищали все. — Не хотим.

Но на следующий день повторилось то же самое. Из благоразумных мух оста-лись целыми только самые благоразу-мные. Но Паша находила, что слишком много и таких, самых благоразумных.

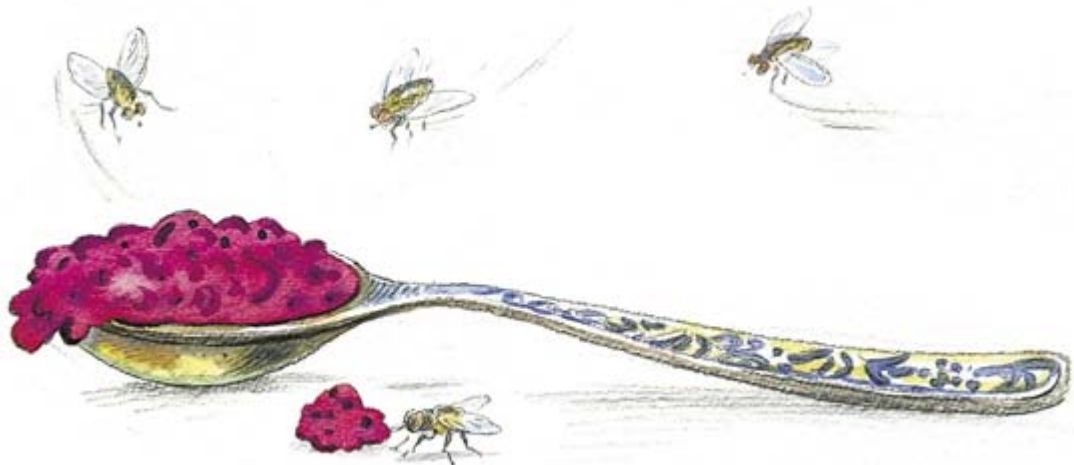
— Житья от них нет, — жаловалась она.

Тогда господин, которого звали па-пой, принёс три стеклянных, очень кра-сивых колпака, налил в них пива и по-ставил на тарелочки. Тут попались и са-мые благоразумные мухи. Оказалось, что эти колпаки просто мухоловки. Му-хи летели на запах пива, попадали в колпак и там погибали, потому что не умели найти выхода.

— Вот теперь отлично! — одобряла Паша; она оказалась совершенно бес-сердечной женщиной и радовалась чу-жой беде.

Что же тут отличного, посудите сами. Если бы у людей были такие же кры-лья, как у мух, и если бы поставить му-холовки величиной с дом, то они попа-дались бы точно так же. Наша Муха, на-ученная горьким опытом даже самых благоразумных мух, перестала совсем верить людям. Они только кажутся до-брыми, эти люди, а, в сущности, только тем и занимаются, что всю жизнь обма-нывают доверчивых бедных мух. О, это самое хитрое и злое животное, если го-ворить правду!

Мух сильно поубавилось от всех этих неприятностей, а тут новая беда. Оказа-

лось, что лето прошло, начались дожди, подул холодный ветер, и вообще наступила неприятная погода.

— Неужели лето прошло? — удивлялись оставшиеся в живых мухи. — Позвольте, когда же оно успело пройти? Это, наконец, несправедливо. Не успели оглянуться, а тут осень.

Это было похуже отравленных бумажек и стеклянных мухоловок. От наступившей скверной погоды можно было искать защиты только у своего злейшего врага, то есть господина человека. Увы! Теперь уже окна не отворялись по целым дням, а только изредка — форточки. Даже само солнце и то светило точно для того только, чтобы обманывать доверчивых комнатных мух. Как вам понравится, например, такая картина? Утро. Солнце так весело заглядывает во все окна, точно приглашает всех мух в сад. Можно подумать, что возвращается опять лето. И что же — доверчивые мухи вылетают в форточку, но солнце только светит, а не греет. Они летят назад — форточка закрыта. Много мух погибло таким образом в холодные осенние ночи только благодаря своей доверчивости.

— Нет, я не верю, — говорила наша Муха. — Ничему не верю. Если уж солнце обманывает, то кому же и чему можно верить?

Понятно, что с наступлением осени все мухи испытывали самое дурное настроение духа. Характер сразу испортился почти у всех. О прежних радостях не было и помину. Все сделались такими хмурыми, вялыми и недовольными. Некоторые дошли до того, что начали даже кусаться, чего раньше не было.

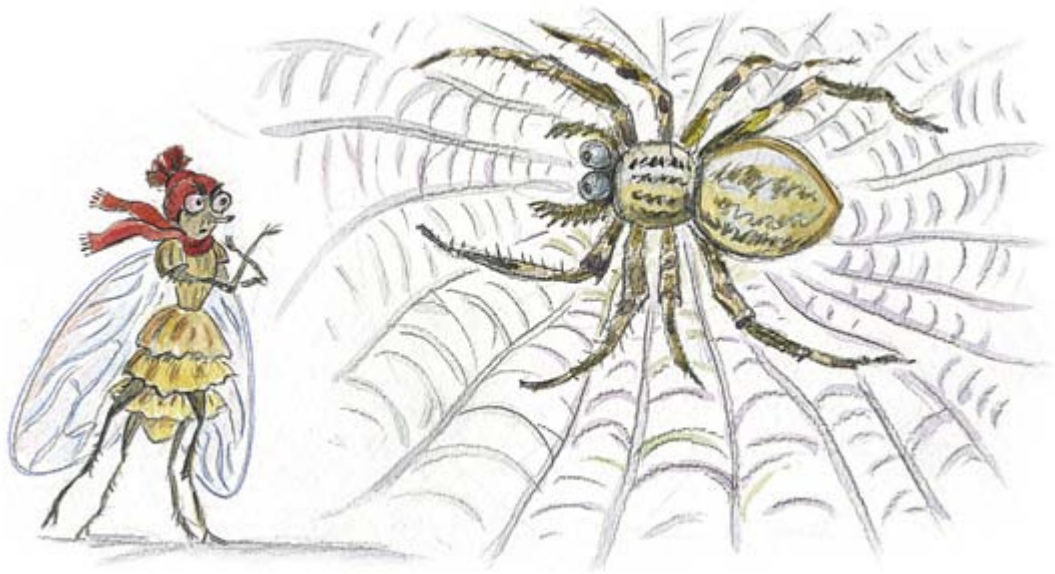
У нашей Мухи до того испортился характер, что она совершенно не узнавала самой себя. Раньше, например, она жалела других мух, когда те погибали, а сейчас думала только о себе. Ей было даже стыдно сказать вслух, что она думала:

«Ну и пусть погибают — мне больше достанется».

Во-первых, настоящих тёплых уголков, в которых может прожить зиму настоящая, порядочная муха, совсем не так много, а во-вторых, просто надоели другие мухи, которые везде лезли, выхватывали из-под носа самые лучшие куски и вообще вели себя довольно бесцеремонно. Пора и отдохнуть.

Эти другие мухи точно понимали эти злые мысли и умирали сотнями. Даже не умирали, а точно засыпали. С каждым днём их делалось всё меньше и меньше, так что совершенно было не нужно ни отравленных бумажек, ни стеклянных мухоловок. Но нашей Му-

хе и этого было мало: ей хотелось остаться совершенно одной. Подумайте, какая прелесть — пять комнат, и всего одна муха!

Наступил и такой счастливый день. Рано утром наша Муха проснулась довольно поздно. Она давно уже испытывала какую-то непонятную усталость и предпочитала сидеть неподвижно в своём уголке, под печкой. А тут она почувствовала, что случилось что-то необыкновенное. Стоило подлететь к окну, как всё разъяснилось сразу. Выпал первый снег. Земля была покрыта ярко белешшей пеленой.

— А, так вот какая бывает зима! — сообразила она сразу. — Она совсем белая, как кусок хорошего сахара.

Потом Муха заметила, что все другие мухи исчезли окончательно. Бедняжки не перенесли первого холода и заснули, кому где случилось. Муха в другое время пожалела бы их, а теперь подумала:

«Вот и отлично. Теперь я совсем одна! Никто не будет есть моего варенья, моего сахара, моих крошечек. Ах, как хорошо!»

Она облетела все комнаты и ещё раз убедилась, что она совершенно одна. Теперь можно было делать решительно всё, что захочется. А как хорошо, что в комнатах так тепло! Зима там, на улице, а в комнатах и тепло и уютно, особенно когда вечером зажигали лампы и свечи. С первой лампой, впрочем, вышла маленькая неприятность — Муха налетела было опять на огонь и чуть не сгорела.

— Это, вероятно, зимняя ловушка для мух, — сообразила она, потирая

обожжённые лапки. — Нет, меня не проведёте. О, я отлично всё понимаю! Вы хотите сжечь последнюю муху? А я этого совсем не желаю. Тоже вот и плита в кухне — разве я не понимаю, что это тоже ловушка для мух!

Последняя Муха была счастлива всего несколько дней, а потом вдруг ей сделалось скучно, так скучно, так скучно, что, кажется, и не рассказать. Конечно, ей было тепло, она была сыта, а потом, потом она стала скучать. Полетает, полетает, отдохнёт, поест, опять полетает — и опять ей делается скучнее прежнего.

— Ах, как мне скучно! — пищала она самым жалобным тоненьким голосом, летая из комнаты в комнату. — Хоть бы одна была мушка ещё, самая скверная, а всё-таки мушка.

Как ни жаловалась последняя Муха на своё одиночество, — её решительно никто не хотел понимать. Конечно, это её злило ещё больше, и она приставала к людям как сумасшедшая. Кому на нос сядет, кому на ухо, а то примется летать перед глазами взад и вперёд. Одним словом, настоящая сумасшедшая.

— Господи, как же вы не хотите понять, что я совершенно одна и что мне очень скучно? — пищала она каждому. — Вы даже и летать не умеете, а поэтому не знаете, что такое скука. Хоть бы кто-нибудь поиграл со мной. Да нет, куда вам? Что может быть неповоротливее и неуклюжее человека? Самая безобразная тварь, какую я когда-нибудь встречала.

Последняя Муха надоела и собаке и кошке — решительно всем. Больше всего её огорчило, когда тётя Оля сказала:

— Ах, последняя муха. Пожалуйста, не трогайте её. Пусть живёт всю зиму.

Что же это такое? Это уж прямое оскорбление. Её, кажется, и за муху перестали считать. «Пусть поживёт», — скажите, какое сделали одолжение! А если мне скучно! А если я, может быть, и жить совсем не хочу? Вот не хочу — и всё тут».

Последняя Муха до того рассердилась на всех, что даже самой сделалось страшно. Летает, жужжит, пищит. Сидевший в углу Паук наконец сжалился над ней и сказал:

— Милая Муха, идите ко мне. Какая красивая у меня паутина!

— Покорно благодарю. Вот ещё нашёлся приятель! Знаю я, что такое твоя красивая паутина. Наверно, ты когда-нибудь был человеком, а теперь только притворяешься пауком.

— Как знаете, я вам же добра желаю.

— Ах, какой противный! Это называется — желать добра: съесть последнюю Муху!

Они сильно повздорили, и всё-таки было скучно, так скучно, так скучно, что и не расскажешь. Муха озлобилась решительно на всех, устала и громко заявила:

— Если так, если вы не хотите понять, как мне скучно, так я буду сидеть в углу целую зиму! Вот вам! Да, буду сидеть и не выйду ни за что.

Она даже всплакнула с горя, припоминая минувшее летнее веселье. Сколько было весёлых мух; а она ещё желала остаться совершенно одной. Это была роковая ошибка.

Зима тянулась без конца, и последняя Муха начала думать, что лета больше уже не будет совсем. Ей хотелось умереть, и она плакала потихоньку. Это, наверно, люди придумали зиму, потому что они придумывают решительно всё, что вредно мухам. А может быть, это тётя Оля спрятала куда-нибудь лето, как прячет сахар и варенье?

Последняя Муха готова была совсем умереть с отчаяния, как случилось нечто совершенно особенное. Она, по обыкновению, сидела в своём уголке и сердилась, как вдруг слышит: ж-ж-жж! Сначала она не поверила собственным ушам, а подумала, что её кто-нибудь обманывает. А потом. Боже, что это было! Мимо неё пролетела настоящая живая

мушка, ещё совсем молоденькая. Она только что успела родиться и радовалась.

— Весна начинается! весна! — жужжала она.

Как они обрадовались друг другу! Обнимались, целовались и даже облизывали одна другую хоботками. Старая Муха несколько дней рассказывала, как скверно провела всю зиму и как ей было скучно одной. Молоденькая Мушка только смеялась тоненьким голоском и никак не могла понять, как это было скучно.

— Весна! весна! — повторяла она.

Когда тётя Оля велела выставить все зимние рамы и Алёнушка выглянула в первое открытое окно, последняя Муха сразу всё поняла.

— Теперь я знаю всё, — жужжала она, вылетая в окно, — лето делаем мы, мухи.

Дмитрий Наркисович МАМИН (МАМИН-СИБИРЯК)

РУССКИЙ ДРАМАТУРГ И ПИСАТЕЛЬ,
ОДИН ИЗ КЛАССИКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Дмитрий Мамин появился на свет 6 ноября 1852 года в заводском посёлке Висимо-Шайтан, Пермская губерния. Сейчас это посёлок Висим в Свердловской области, недалеко от Свердловской области. Отец очень хотел, чтобы Дмитрий пошёл по его стопам и посвятил свою жизнь служению Богу. Семья Дмитрия была весьма просвещённой, поэтому своё первое образование он получил в домашних условиях. После этого мальчик пошёл в Висимскую школу для детей рабочих.

Желание родителей направить ребёнка по духовной стезе привело Дмитрия в 1866 году в Екатеринбургское духовное училище.

Окончив семинарию в 1871 году, Дмитрий отправляется в Санкт-Петербург. К тому времени он уже понимает, что с профессией священника у него мало общего, и поступает в Медико-хирургическую академию. Поначалу учится на ветеринарном отделении, а затем переходит на медицинское.

В 1874 году Мамина принимают в Петербургский университет, где он учится на факультете естествознания. Спустя два года переводится на юридический факультет, на котором не отучился и курса. Ухудшение здоровья и материальные трудности заставили его оставить учёбу. У Дмитрия начинает развиваться туберкулёз.

В бытность свою студентом Мамин пробует себя в журналистике, пишет рассказы и небольшие репортажи, которые порой публикуют в газетах. Тем не менее эта работа приносит лишь моральное удовольствие, платят за пробы пера сущие копейки. Впоследствии этот период своей жизни писатель ярко обрисовал в романе-автобиографии «Черты из жизни Пепко».

В 1877 году Мамин-Сибиряк отправляется домой на Урал. В следующем году умирает его отец, и Дмитрий становится главой семьи. Братья и сестра должны учиться, а это требует денег. Чтобы получить средства для существования, семья переехала в Екатеринбург. В этот период Мамин-Сибиряк много путешествует по Уралу, тщательно изучает экономику, историю, этнографию края. Общение с местными жителями, погружение в самобытную жизнь простого народа даёт огромный материал для произведений.

Вскоре после этого публикуются путевые очерки под общим названием «От Урала до Москвы». Впервые их печатает газета «Русские ведомости». Успех прозы Мамина-Сибиряка заставляет обратить на него внимание изданий «Дело», «Устои», «Русская Мысль», «Вестник Европы», «Отечественные записки».

Тогда же Мамин становится Маминам-Сибиряком. Свои произведения он часто подписывал литературным псевдонимом Д. Сибиряк, который Дмитрий решил присоединить к своей настоящей фамилии.

После публикации этих произведений становятся заметными основные мотивы творчества

Мамина-Сибиряка: уникальное описание природы Урала, её влияния на человеческую жизнь.

В 1890 году писатель женится на М. Абрамовой, которая в своё время была прославленной артисткой Екатеринбургского драматического театра. После этого Мамин-Сибиряк вновь приезжает в Санкт-Петербург, где остаётся до конца своей жизни.

Год спустя, после тяжёлых родов, жена Дмитрия Наркисовича умирает. На руках у него остаётся больная дочь Алёна. Эта трагедия стала очень большим потрясением для писателя.

Тем не менее писатель преодолевает шок от утраты и отдаёт максимум внимания дочери. Творчество в это время очень плодотворно, появляется много произведений для детей. Цикл сказок «Алёнушкины сказки», написанный Маминам-Сибиряком для своей дочери, стал одним из лучших образцов его творчества.

В конце 1890-х и начале 1900-х годов Мамин-Сибиряк ведёт спокойную жизнь в Санкт-Петербурге, воспитывает дочь, создаёт ряд великолепных произведений. Так, в этот период из-под пера писателя выходит двухтомник «Уральские рассказы» и роман «Хлеб». Здоровье Дмитрия Наркисовича таеет — туберкулёз берёт своё.

Пятнадцатого ноября 1912 года, после обострения болезни, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк скончался. Похоронили его на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Спустя всего два года рядом было погребено тело его дочери — Елены Дмитриевны Маминой. В 1956 году прах писателя перенесли на Волковское кладбище.

Андрей ГОНЧАРОВ

Андрей Дмитриевич Гончаров (1903–1979) — мастер ксилографии, график, художник книги, живописец-станковист, теоретик искусства, педагог. Родился в Москве в семье юриста, начал обучение художественному искусству в частных Школе живописи и рисования К. Юона и И. Дудина (1915–1916) и студии И. И. Машкова (1917–1918). Позже поступил во 2-е Государственные свободные художественные мастерские (1918–1921), где его преподавателями были сначала И. И. Машков, а затем А. В. Шевченко, и на графический факультет ВХУТЕМАСа-ВХУТЕИНа

(1921–1927), обучаясь у Н. Куприянова и Н. Павлинова.

Ещё будучи студентом, в 1924 году, Андрей Гончаров становится ассистентом профессора В. А. Фаворско-

го по курсу «Графические дисциплины» на отделении ксилографии и затем посвящает преподавательской деятельности в различных учебных заведениях многие годы. Фаворский стал главным учителем Гончарова, передав ему не только художественную технику, но и понимание искусства, его возможностей и задач. Дипломной работой Андрея Гончарова в 1927 году стали иллюстрации к поэме Сергея Есенина «Пугачёв» (гравюры на дереве).

Холодноватая отточенная техника гравюры на дереве у Гончарова приобретает активный характер, подвижность и композиционную

Крейцвальд. Калевипоэг. Иллюстрация. 1947–1948 гг.

Софокл. Антигона. Иллюстрация. 1956 г.

выразительность. Его графике свойственны единство элементов оформления книги (иллюстрации, концовки, заставки и прочее), эмоциональность и убедительность, соответствие зрительного образа идейно-образному строю литературного произведения.

Крейцвальд. Калевипоэг. Иллюстрация. 1947–1948 гг.

С 1923 года Андрей Гончаров работал иллюстратором в газетах, журналах и издательствах «Известия ЦИК», ГИЗ, Детгиз, Гослитиздат, «Искусство», Academia, «Художественная литература», «Молодая гвардия». Выполнил иллюстрации ко многим книгам (И. Крылов «Мартышка и очки», 1922, А. Блок «Двенадцать», 1924, А. Пушкин «Анчар», 1930, В. Бианки «По следам», 1930 и другим). С 1924 года стал членом и учредителем Общества станковистов (ОСТ) и участвовал во всех его выставках. В 1927-м с отличием окончил полиграфический факультет ВХУТЕИНа. После окончания института работал как художник театра, оформив спектакли «Соломенная шляпка» Э. Лабиша (1924, Музыкальный театр им. В. И. Немировича-Данченко, Москва) и, совместно с Юрием Пименовым, «Страсть мистера Марاپита» К. Давидовского (1927, 4-я студия МХАТа, Москва).

В 1943–1945 годах работал в журнале «Фронтовой юмор», а затем главным художником выставки «По-

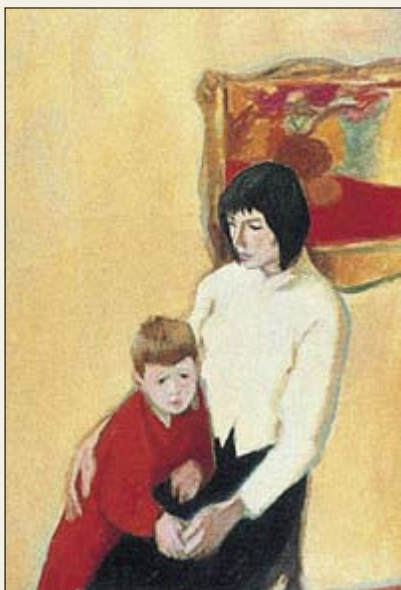
М. Горький. Песня о соколе. Иллюстрация. 1955 г.

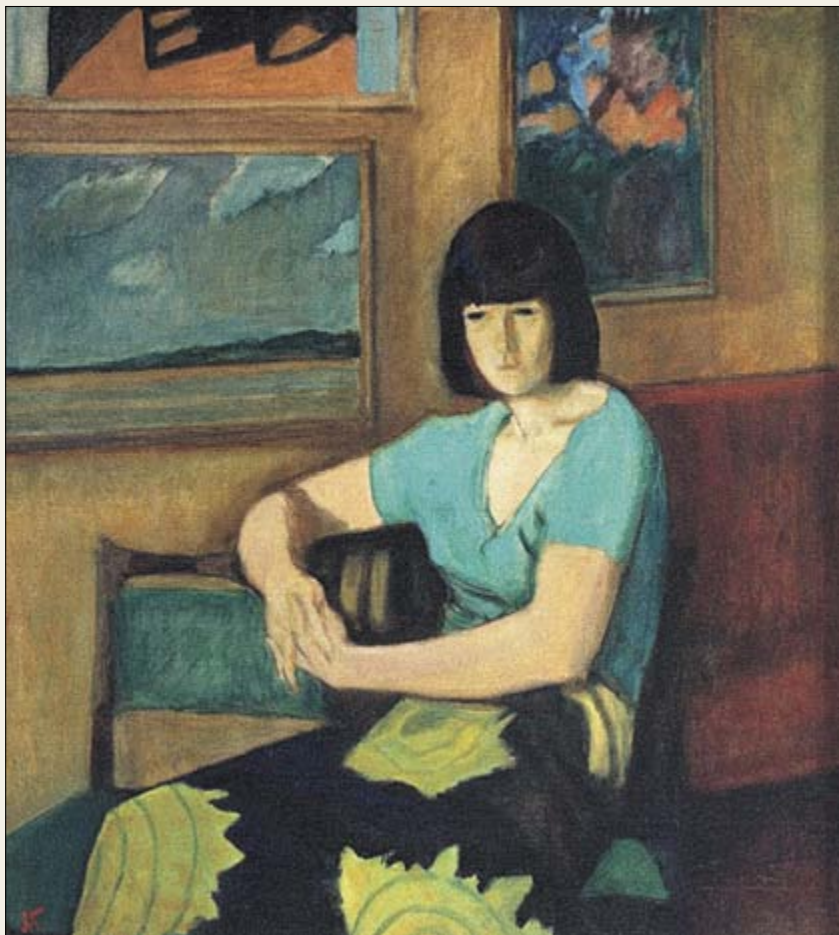
Портрет Хемингуэя. Иллюстрация. 1957 г.

литработа в частях 3-го Белорусского фронта».

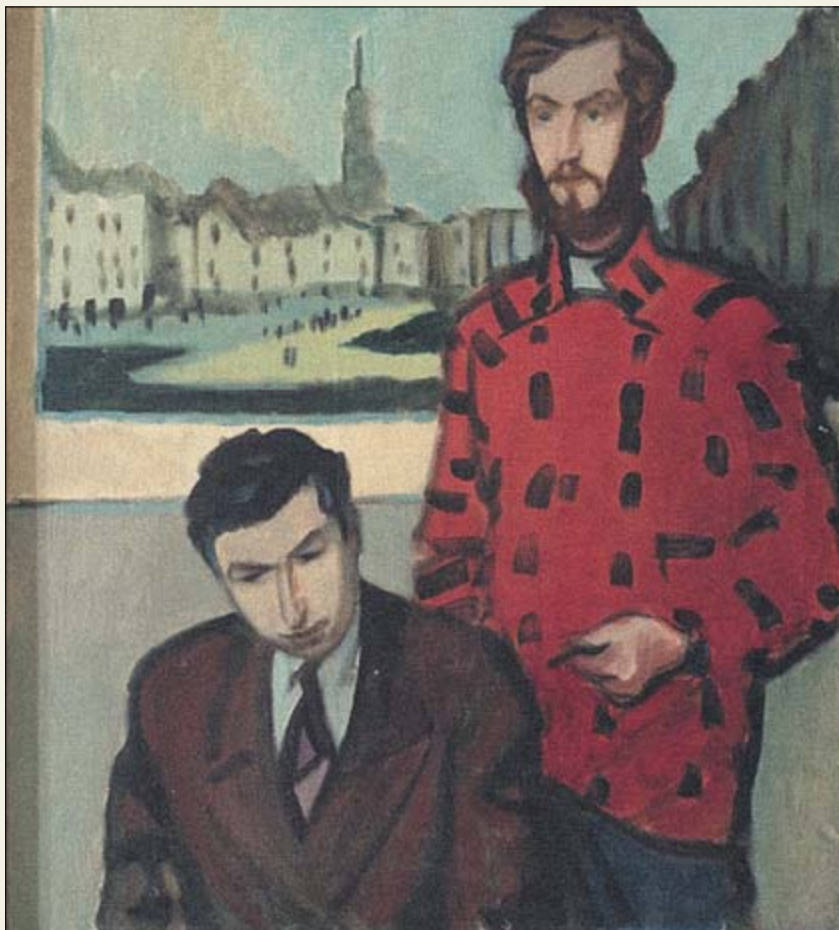
С 1930-го по 1934-й и с 1948-го по 1979-й год Андрей Гончаров преподавал живопись, рисунок, ксилографию и композицию книги на издательском факультете Московского полиграфического института. Был заведующим кафедрой рисунка и живописи, с 1958 года профессор. Андрей Гончаров известен также как живописец-станковист, главным образом портретист, монументалист, он участвовал в оформлении станций Московского метрополитена, павильонов ВДНХ

Портрет Наташи (в профиль). 1958 г.

Женский портрет в зеленых тонах (портрет дочери). 1972 г.

Дмитрий Урнов и Василий Ливанов. 1959 г.

Александр Невский. 1943 г.

и советских павильонов на международных выставках. Живописные работы Гончарова отличаются чёткостью психологических образов героев, отточенностью силуэтов, напряжённой простотой композиции, сильными контрастами обобщённых и плотных масс звучного цвета.

П. Мериме. Переулоч госпожи Лукреции. Иллюстрация. 1957–1958 гг.

Произведения Андрея Гончарова часто экспонировались на отечественных и зарубежных выставках («Искусство книги», 1927, Лейпциг, Нюрнберг; «Графика и книжное искусство в СССР», 1929, Амстердам; «Современное русское искусство», 1930, Вена). В 1937 году был награждён «Гран-при» и золотой медалью на Международной выставке в Париже, а также дипломами выставок в Милане и Варшаве. В 1956 году на Всесоюзной выставке книги, графики и плаката получил диплом I степени за оформление и иллюстрирование книги Ф. Петрарки «Избранная лирика» и диплом II степени за оформление и иллюстрирование книги И. В. Гёте «Фауст». В 1971 году Городской Совет Лейпцига наградил Андрея Гончарова премией им. И. Гуттенберга за выдающиеся заслуги в области развития советской книжной культуры и международного издательского дела, там же ему была присуждена золотая медаль за иллюстрации к произведениям Ф. М. Достоевского.

В 1950–1970 годах Гончаров, не оставляя станковой живописи и графики, продолжал работать в области монументальной живописи, занимаясь книжной графикой, оформлял театральные постановки. Он автор книг по изобразительному искусству «Об искусстве графики» (1960), «Художник и книга» (1964). Заслуженный деятель искусств РСФСР (1969), член-корреспондент Академии художеств СССР (1973), народный художник РСФСР (1979), лауреат Государственной премии СССР (1973). Андрей Дмитриевич Гончаров был выдающимся и разносторонним мастером, внесшим своим творчеством большой вклад в развитие отечественного и мирового искусства и воспитавшим целую плеяду художников книги.

Китайские яблоки и маленькие гвоздики

Апельсин

В XVI веке московские богатеи имели возможность полакомиться китайскими яблоками, привозимыми из Голландии. По-голландски апель — яблоко, Сина — Китай. Так заморское слово прибыло в новую страну одновременно с продуктом.

Берёза

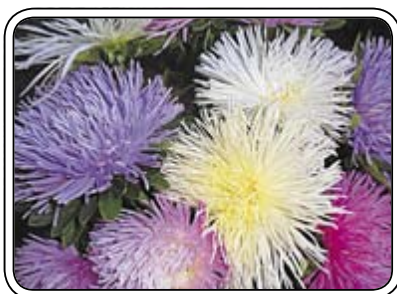
Свое название берёза получила из-за цвета коры. У древних славян слово бер означало белый, светлый, ясный, блестящий. От слова бер образовалось берза, которое потом превратилось в берёзу.

Ветчина

Трудно представить, что всеми любимая ароматная вкусная ветчина происходит от прилагательных ветхая, старая, поскольку любое заготовленное впрок мясо не является новым, свежим.

Астра

Название цветка астра произошло от латинского слова, означающего звезда. И действительно, лепестки астры похожи на лучи звезды.

Гвоздики

В этом слове ударение можно поставить по-разному и получится два совершенно разных слова. Но оказывается, они связаны между собой. Цветок получил такое название из-за сходства листьев (особенно в засушенном виде) с деревянными гвоздями (гвоздиками).

Винегрет

Слово винегрет произошло от французского винегр, что значит уксус, кислое вино. У французов винегрет — это блюдо из овощей, политых уксусом. Как ни парадоксально это звучит, но во Франции то, что называем винегретом мы, зовется *salade russe* — русский салат!

Мандарин

Мандаринами португальцы называли высших чиновников Китая. Одни считают, что это слово произошло от португальского мандар — приказывать, другие ищут его корни в санскрите, где *mantrin* означало советник. С годами это название перешло и на оранжевый фрукт, привозимый к нам из Китая.

Лошадь

Оказывается, этого слова не было в русском языке до татаро-монгольского нашествия. На тюркском языке алаша ат означало любое вьючное животное. И поначалу этим словом называли только рабочих крестьянских лошадей, а военных по-прежнему звали конями.

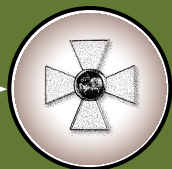
Гладиолусы

Цветы гладиолусы привезли к нам из Южной Америки. А называются они так из-за сходства листьев с клинком оружия (латинское *gladius* — меч, шпага; отсюда, кстати, гладиатор).

Мышцы

Это слово тесно связано с... мышью. Дело в том, что когда древние смотрели на играющего мышцами спортсмена, то его перекатывающиеся мышцы напоминали им мышь, бегающую под кожей.

Лучшие дни

Павел Вытягайловский

На него дважды приходила похоронка. Но в смерть весельчака одессита, души любой компании Пашки никто не верил. А материнское сердце даже не впускало в себя эту трагическую весть, выстукивая без конца: «Жив, жив твой Павка! Жди!» И она верила. Ждала и молилась. И дождалась...

Он спрыгнул с подножки медленно подходящего к перрону поезда и бросился к ней навстречу. А она, маленькая, сгорбленная, растерянная, без конца смахивала дрожащей рукой набегающие слёзы и не могла поверить, что возникший перед ней офицер — совсем уже взрослый, отпустивший, как когда-то его отец, усы — её долгожданный сыночек, которого она помнила босоногим, с вечно разбитыми коленками. Живой! Невредимый! Без единой царапины. С погонами майора на военном кителе, увешанном орденами и медалями.

Рядом с ним, сияющим, радостным, появилась из поезда молодая красавица-жена с ма-

На отдыхе в Кисловодске. Начало 50-х гг.

лышкой на руках и двумя дочурками-близнецами постарше. Он и тут сумел отличиться...

Родственники и друзья подхватили его на руки и так, утопающего в море цветов, среди которых его, небольшого роста, худощавого, и видно-то не было, одни только горящие счастьем, озорные глаза, несли до самого дома под восторженные приветствия прохожих. Наконец-то он дома, на родной земле, где каждый кустик знаком с детства. На его ласковой, хлебосольной Украине, где он не был целых десять лет...

Нам, дочерям, о войне отец, кадровый военный, рассказывать не любил. Мы и после войны ещё долго месяцами не видели его. То он строил один военный аэродром, то другой. То прокладывал в непроходимых местах дороги.

К наградам боевым прибавлялись награды трудовые. А в редкие часы его пребывания дома все наши просьбы рассказать о том, как он воевал,

по-прежнему оставались без ответа или наталкивались на дорогие короткие фразы:

— Никаких подвигов я не совершал. Я просто выполнял свою работу, защищал Родину. И эту работу старался делать как можно лучше...

Родился он в крестьянской семье в украинском селе Вытягайловка, где все друг другу были родственниками, и фамилия у всех была одна и та же — Вытягайловские.

Отца помнит плохо. Вернувшись инвалидом с I Мировой войны, он умер рано, оставив на руках жены троих малолетних детей.

Жили впроголодь. Хлеб и тот был большой редкостью, пока Пашка не подрядился разгружать мешки с мукой в соседней пекарне. За это он получал от хозяина буханку свежесдобитого чёрного хлеба, с которой сломая голову нёсся домой, чтобы, ещё горячей, вручить её маме, чем очень гордился в свои двенадцать лет. Чувствуя себя ответственным за семью после

его молодости...

Надежда Васильевна в молодости

Со своими учениками. Москва, 1938 г.

смерти отца, видя, как нелегко было матери, Павел старался помогать ей во всём. Закончив девятый класс, пошёл работать, учился на рабфаке.

Жажда деятельности его обуревала. Он мог стать врачом, ему очень хотелось вылечить больную маму. Или художником, он хорошо рисовал. Или инженером, он любил технику и прекрасно в ней разбирался. Поваром, наконец...

Но одной из самых привлекательных в те годы была профессия военного. Военизированный дух времени наполнял повседневную жизнь. Маршевые песни Дунаевского из популярных кинофильмов моментально подхватывались и пелись повсюду. Пашка тоже, не переставая, напевал себе под нос: «Эй, вратарь, готовься к бою! Часовым ты поставлен у ворот». Не попробовать себя в этой профессии Павел просто не мог...

В 1938 году он поехал в Москву поступать в военное училище. Конкурс был большой. Он очень обрадовался, когда в

списке счастливых, принятых в московское Военно-инженерное училище, увидел свою фамилию. Учился Павел на одни пятёрки...

А в начале января 40-го, после досрочной сдачи выпускных экзаменов, новоиспечённого лейтенанта прямо из учебных классов отправили на войну — Финскую, где он и получил своё боевое крещение, прорывая знаменитую «линию Маннергейма».

Зима в Финляндии в тот год была лютой. Температура воз-

духа падала до -45° . В густых лесах было много снега, идти по которому можно было только на лыжах. За нашими бойцами охотились финские снайперы.

В сапёрном взводе, которым командовал Павел, оказались в основном пожилые рабочие с калининских заводов, которые ему в отцы годились. Они не только не знали, как обращаться с минами, но и винтовки-то в руках держать как следует не умели. Ему приходилось учить их прямо на передовой.

Через три месяца эта, как её называли, «зимняя», а для него — его первая война, закончилась. Они вышли из окопов. Тишина. Солнце светит. Белый снег искрится. Ослеплённые бескрайней белизной, радостные, они разлеглись на льду Финского залива, наслаждаясь окружающей красотой...

Вскоре батальон Павла погрузили в товарные вагоны и перебросили в Латвию, а затем — в Белоруссию.

Обычная армейская жизнь текла спокойно. Жили в палат-

Семья в Германии 1947 г.

ках. Строили землянки, блиндажи, укрепляли огневые позиции. Под Полоцком батальон получил приказ готовить инженерные сооружения для учений высшего командного состава Белорусского военно-

Осенью Павла откомандировали в Москву. Там ему присвоили очередное звание и назначили начальником военных ремонтных мастерских на Урал в Златоуст. Но Павел рвался на фронт и добился своего.

Надежда Васильевна, директор московской школы, депутат районного Совета, 70-е гг. прошлого столетия

го округа, которые были назначены на июнь.

По завершении работ Павлу, заядлому футболисту, поручили организовать футбольный матч. Команда, в которой он был полузащитником, одержала победу. Усталые, но довольные, легли спать.

А на рассвете их разбудил свист авиационных бомб. От взрывов земля вставала дыбом. Так, 22 июня 1941 года, с первым налётом фашистской авиации началась для Павла Великая Отечественная война...

— Горько вспоминать, но люди, застигнутые врасплох, бежали кто в чём и кто куда, — рассказывал он внимательно слушавшим его школьникам. — С самолётов строчили пулемёты. Убитых и раненых было много. Я успел схватить сапоги и форму. Одевался в каком-то овраге. Командиры начали собирать своих солдат. Уже к вечеру нас отправили в Минск для восстановления и укрепления оборонительной полосы.

С лета 1942 года он в составе 14-й Новгород-северской инженерно-сапёрной бригады 65 армии 2-го Белорусского фронта, которым командовал Константин Рокоссовский, уже теснил немцев с Брянщины, прошёл мясорубку Курской дуги, форсировал Днепр, снова шёл по белорусской земле, которую немцы превратили в сплошное минное поле, освободил Варшаву, дошёл до Берлина. После окончания войны его оставили служить в Германии ещё на 2 года.

На вопрос, где было труднее всего, он отвечал:

— Трудно было везде. Война — очень опасная и тяжёлая работа. А в работе сапёра даже малейшая оплошность грозит смертью. Мы были всё время на передовой. Приходили первыми, а уходили последними, обеспечивая продвижение наших войск вперёд. Немцы не давали нам продыху ни днём ни ночью. Мы строили, а они тут же разруша-

ли. Мы снова строили. Они снова рушили. И так без конца, а от меня все требовали: «Быстрее, крепче, надёжнее!» Действовать приходилось по ситуации.

По ситуации... Сколько раз он и в болоте увязал, и бросался в ледяную воду, чтобы вытащить рухнувшую с переправы повозку или грузовик, спасая боеприпасы, брал в руки и лопату, и лом, заменяя под ураганом свистящих пуль убитых или раненых солдат, сам устанавливал мины. Однажды в Белоруссии из-за этих мин, вовремя не подвезённых на передовую, командир полка горяча приказал расстрелять его. Уже был взведён курок, но связной успел прибежать с сообщением об отмене приказа: наши снова пошли в наступление, мины не потребовались.

— А орденам и медалям, которые ты получал, был рад? — спрашивал его внук.

— Было как-то не до этого. Никто о них тогда особенно и не думал. Главное было разбить врага, прогнать его со своей земли, защитить свой дом, своих родных. Это был наш долг, и мы его выполнили до конца.

...Сколько построено им во время войны переправ и мостов, установлено и разминировано мин, вырыто землянок и блиндажей, взорвано и сооружено дотов и дзотов, сколько километров гатей проложено по труднопроходимым болотам, топям — и всё это под непрерывным огнём противника — не подсчитано никем.

Зато сам Павел точно знал, что страшная и кровавая Вторая мировая война вырвала из его жизни 1460 самых лучших дней его молодости, вспоминать которые ему было тяжело до самых последних дней его долгой жизни. Благодарную память о нём хранит и музей одной из московских школ в центре столицы.

Новенький

Урок в пятом «б» подходил к концу, когда дверь неожиданно приоткрылась, в щель проскользнул Витька Симаков и невинно произнёс:

— Евгений Евгеньевич, новенького ведут!

— Какого новенького, куда ведут? — поперхнулся от неожиданности историк, которого, с лёгкой руки Витьки, прозвали Геродотом.

— Самого что ни на есть Новенького. Блестит весь, плюнуть некуда!

И точно. В класс вошли: высокий худенький мальчик и худощавая женщина. Замыкал шествие директор, которого в школе называли между собой просто Директором. Но с большой буквы.

— Вот, — сказал Директор Геродоту, — решили, что новый ученик сделает свои первые шаги в вашем классе. Зовут его Дима Калинин. Приехал из Сибири...

— Одну минуточку. — Дими́на мама подняла руку. — Дима... у него больное сердце... его освободили от физкультуры.

С этой минуты пятый «б», считавший себя будущей сменой сборной страны по футболу, потерял к Диме Калинин у всякий интерес. Посадили его с самой неприметной девчонкой — Олей Мышкиной. В классе её так и звали — Мышь. Она тоже особо не выделала Диму, пока однажды на перемене не произошло невероятное событие... Новенький заступился за неё! Он не спасовал перед переростком из седьмого «а», который славился на всю школу глумливой отвагой и кулаками в непроходящих цыпках. Когда неуправляемый второгодник с визгливым ржанием поймал Олю и придавил ей уши, собираясь приподнять жертву и показать «Москву», Дима вежливо похлопал его по плечу, развернул к себе и слегка прищёпнул ладонями замызганные раковины весельчака. А потом спокойно принял безропотную Мышь, что называется, из рук в руки. Тот по привычке разинул пасть, чтобы

Геннадий Киселёв

Художник Б. Мишин

поставить сибирячка на своё место, но привычной брани, от которой обычно сотрясались школьные стены, не последовало. Раздался жалобный беспомощный звук, похожий на сипение спускаемой велосипедной камеры...

— Пошёл вон. — Дима развернулся, взял Мышь за руку и повёл в школьный буфет.

Больше в родной школе эту шпану никто никогда не видел. Возбуждённая Мышь ворвалась в класс в конце перемены и, захлёбываясь от восторга, поведала об этой истории. Прекрасная половина пятого «б» встретила появившегося следом Диму, как долгожданного героя девичьих грёз. Претендующий на остроумие Стрешнёв попытался выдать пасквильный экспромт, но первая красавица класса Люда Огарёва, которую в классе называли Миледи, зловецке сказала ему:

— Только попробуй!

Витька хмыкнул, но пробовать не стал, памятуя печальную судьбу герцога Бэкингема.

А на следующий день он не пришёл в школу. В классе вроде бы никто не обратил на это внимания. Однако этот вывод оказался поспешным. Вечером того же дня в его квартире раздался звонок.

— Витя, к тебе пришли товарищи из класса, — обрадовала его мать.

— Товарищи! — Он начал лихорадочно соображать, кто бы это мог быть, но в это время на пороге появился Дима, а за ним Мышь!

— Добрый вечер, Витя...

— Вот номер! Вас Геродот прислал, да? Дима неопределённо пожал плечами и вывалил на одеяло яблоки.

— Так вы без проверки?! Живём! Как прошла контрольная по математике?

— Её на завтра перенесли, — вздохнула Мышь.

— На завтра... — с досадой следом вздохнул Витька.

— А ты надолго слёг? — спросил его Дима.

— Кто его знает. Как контрольная... то есть, я тут лежу, а она без меня пройдёт... а то бы я... ну это... — Он беспомощно посмотрел на ребят.

— Ты лучше скажи, скучно тебе тут одному лежать? — улыбнулся ему Дима.

— Спрашиваешь... — тяжело вздохнул «больной».

— Книжки-то у тебя интересные есть?

— Мама читать лёжа не разрешает.

— Ничего, — Дима хитро подмигнул Витьке, — мы стоя.

Он открыл свой портфель и достал из него небольшой оранжевый томик.

— Про шпионов? — загорелся Витька.

— Джером К. Джером «Трое в лодке, не считая, собаки».

Дальнейшее развитие событий опускается. У Джерома всё это изложено, право, намного увлекательнее.

На следующий день Витьке действительно стало плохо. Участковый врач, торопливо выписывая рецепт, коротко сказал:

— Постельный режим не меньше недели. Грипп.

Через пару дней капитан футбольной команды класса — Антон Прокопенко, которого все почему-то упрямо называли Укропом, задержал класс после уроков.

— Команда тренируется без лучшего левого полузащитника. Мы умираем от тоски без шуток нашего бессменного юмориста. Что произошло?

— У Вити грипп, — поднялся со своего места Дима.

— Что же ты, знал и молчал? Мы бы поручили кому-нибудь навестить его. И Стрешнёв не остался бы в одиночестве.

— А он и так не остался. Мы с Олей навещаем его каждый день.

Укроп растерянно промямлил:

— От лица класса за проявленную инициативу выношу вам благодарность. А если Витёк поинтересуется, почему именно вы его навещали, скажите, что ходили к нему по моему поручению.

— Если поинтересуется, лгать не буду, — твёрдо произнёс Дима. — Но и трубить об этом на каждом перекрёстке не стану.

— Да он настоящий Атос, Граф де ла Фер, этот Новенький! — порывисто воскликнула Миледи.

А вскоре Витька поправился и пересел за парту к Новенькому. Мышь пересела к Миледи, которая обычно сидела в одиночестве, но новому соседству обрадовалась.

Как-то на перемене все высыпали на весенний школьный двор. Появился

мяч, но послать его на поле никто не решился. Неожиданно блестящий шар попал Диме на ногу. Он уставился завороченным взглядом на кожаное чудо.

— Бей! — закричали ребята.

Дима отошёл в сторону, разбежался, ударил, промазал и, повернувшись вокруг собственной оси, шлёпнулся на влажную землю.

— С поля!!! На мыло!!! — заулюлюкали со всех сторон.

— Как же вам не стыдно! — тоненько вскрикнула Оля, и все разом стихли. — У него же освобождение! — Она кинулась к Диме. — Тебе плохо?

— Чепуха, — покраснел тот.

Поддерживаемый с одной стороны Олей, с другой Витькой, сильно прихрамывая, он вошёл в класс. После уроков Витька сказал другу:

— Давай я тебя потренирую чуток? Ноги у тебя длинные, а сердце — ерунда. Просто ты мало двигаешься. У нас игра скоро, вдруг с кем что случится. Выйдешь на поле, заменишь.

И как в воду глядел.

Первую встречу на первенство школы по футболу пятый «б» проводил со своим самым опасным соперником — пятым «а». Витька пришёл, как и обещал Диме, за час, чтобы слегка поразмять его, на всякий случай. Появились игроки, потянулись болельщики. Ди-

мы всё не было. И тут команды вызвали на поле.

Витька начал игру, прямо скажем, рассеянно. Дважды он получал отличные пасы, дважды мог открыть счёт, но этого не случилось. Укроп только свирепо сверкал глазами, но пока никаких мер не принимал. А Витька думал о Диме. Его тревожило отсутствие верного друга. И когда на тридцатой минуте второго тайма он увидел у барьера лицо друга, то, издав торжествующий вопль, перехватил летящий по воздуху мяч, не разбирая дороги, кинулся к воротам соперника, обвёл одного, другого, третьего, где-то сбоку он увидел отчаянное лицо Укропа...

«Не дам я тебе паса, — ликующе подумал Витька, — сам забью!»

Витька услышал, как ему что-то отчаянно кричат свои же игроки, но... мяч уже влетел в левый угол ворот. Гол!!! Но почему никто из команды не спешит к имениннику? Почему его игроки стоят понурые, а соперники валяются от смеха по траве? Витька повернулся к табло. Он забил гол в собственные ворота.

— Что скажешь? — спросил его Укроп.

— С поля меня, — устало бросил Витя.

— А кого поставить?

— Новенького. Я за него ручаюсь.

— Отдай ему майку.

Едва Дима появился на поле, как перед ним, словно по волшебству, очутился мяч. На мгновение замерли игроки обеих команд. Что предпримет этот «освобождённый чудак?» Первыми опомнились два защитника пятого «а» и рванули к нему. Дима очнулся, сфокусировал взгляд на мяче и вспомнил, чему учил его Витька. Сделав ложный финт левой, послал мяч Укропу, побежал вперёд и очутился один на один с вратарём. Укроп сделал пас, и мяч вновь оказался у его ног. Дима оглянулся, игроки противника его не доставали.

— Шайбу! — кричали вокруг.

Но Дима ничего не слышал. Он упрямо шёл к воротам. В висках раздавались глухие частые толчки. Вратарь, ожидая удара, изготовился к прыжку, но при виде спокойно приближающегося, не спешащего бить по воротам игрока растерялся и, устрояюще болтая руками, кинулся Диме в ноги. Но тот спокойно перебрался через него мяч, и он медленно вкатился в ворота...

— Гол!!!

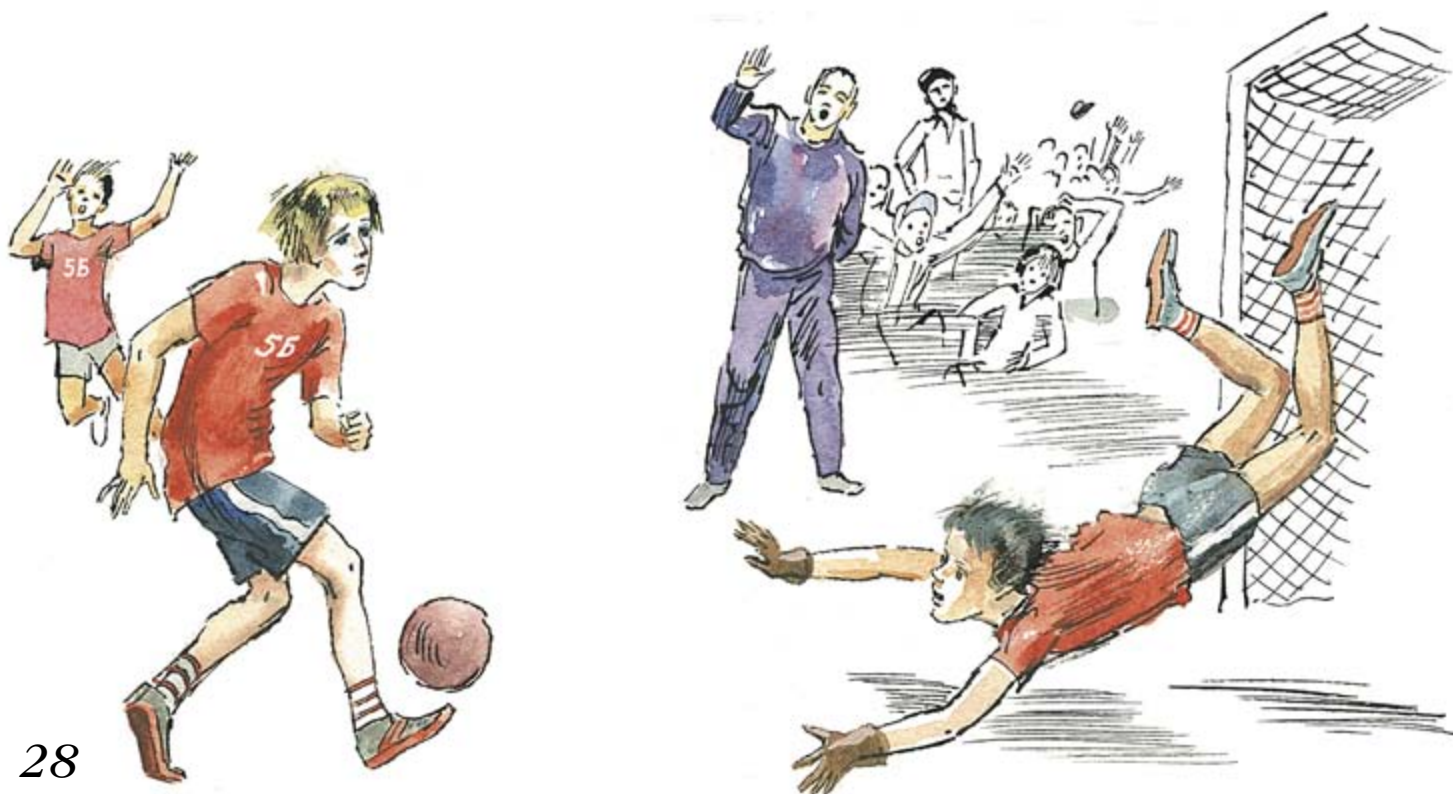
Это было последнее, что услышал Дима.

...В палату к нему пропустили Витьку, Укропа, Мышь и Миледи. Увидев ребят, Дима заулыбался, хотел что-то сказать...

— Молчи, молчи, — прошептал Витька.

— Димка — ты человек, что надо! — твёрдо сказал Укроп. — Поправишься, со всей командой тренироваться станешь. Все увидят, какой классный футболист у нас появился! А уж если кто тебя обидит — будет иметь дело со мной.

— Не с тобой, — учтиво поправила его Миледи. — А со всем пятым «б».

Памятник ТЮЛЕНЮ

Человек всегда жил в единении с живой природой. Во все времена мир природы шёл рука об руку с человеком, и не единожды люди в трудную для себя минуту обращались к нему за помощью. Примеров тому очень много. И человек, устанавливая памятники братьям нашим меньшим, радушно благодарил их за доброе. Благодарит лошадь — помощницу в трудовых и ратных делах, отдаёт дань уважения собаке — верному спутнику человека. Воздвигнуты памятники трудяге-пчеле и сторожким гусям, спасшим в свое время Рим от разорения. И на земле Русского Севера есть необычный памятник, установленный совсем недавно на одной из площадей города Архангельска, выходящей на набережную Северной Двины. Это памятник обитателю северных арктических морей — тюленю.

На огромном постаменте из белого мрамора, выполненном в виде глыбы льда, застыл тюлень. Еще не схлынули со льдины тёмные воды студёного моря, по замыслу скульптора вынесшие тюленя на льдину. Его взгляд устремлён на город, на людей, проходящих по набережной. За памятником открывается простор залива реки. На постаменте выгравировано: «О, сколько ты народа спас от голода и холода». В этой короткой фразе, обращённой к животному, душевная благодарность за доброе. У памятника всегда живые цветы.

Появился этот памятник в столице русского Поморья не случайно. Инициатива создания

Олег Трушин

памятника принадлежит самим архангельцам. Ещё в первый год после окончания Великой Отечественной войны было решено поставить в городе памятник тюленю-спасителю. Этот морской зверь спас жизни тысячам жителей города в тяжёлое время блокады города. Мясо и жир тюленя дало возможность выстоять не только архангельцам, но и ленинградцам, куда оно доставлялось Дорогой жизни по льду Ладожского озера.

Сразу после войны и в последующие годы с памятником тюленю как-то не заладилось. Ставили монументы героям, отстоявшим Отечество, но мысль о том, чтобы увековечить в камне подвиг тюленя-спасителя, все это время жила в душах и сердцах жителей русского Поморья.

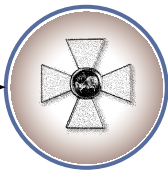
И вот спустя десятилетия эта идея воплотилась в жизнь. Памятник был установлен к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Его автором является известный российский скульптор, художник Игорь Скрипкин.

К памятнику приходят и горожане, и гости Архангельска, возлагая цветы, отдавая дань уважения животному, который ценой своей жизни помог выстоять людям в трудное военное время.

Часто на мраморной белой глыбе постамента помимо букетов живых цветов появляются детские игрушки. Их приносят сами дети. Им точно не надо объяснять, зачем тут этот необычный памятник морскому зверю.

На мой вопрос мальчишка лет десяти, положивший к усам бронзового тюленя алию гвоздику, ответил: «Он мою бабушку спас в годы войны, и теперь она живет с нами!» Ответ был восторженным, и ребёнок произнёс его, практически не задумываясь.

Человек всегда жил в единении с природой. И если он на какое-то время забывал об этом, то природа сама напоминала ему, что мы все из одного мира, и протягивала руку помощи. Так было во все времена: и в пору мирского спокойствия, и в трудную годину лихолетья — и народный памятник тюленю-спасителю тому наглядное свидетельство. Жить этому памятнику долгие годы, потому что доброе и светлое передаётся в веках и хранимо душой и сердцем человеческим. Бронзовый тюлень на набережной Северной Двины стал уже символом города. Символом стойкости, единения и мужества человека и природы перед трудностями.

Военная хитрость Дениса Давыдова

Имя Дениса Давыдова, пламенного патриота и вожака партизанского движения, человека беспримерной храбрости, прославленного героя Отечественной войны 1812 года и замечательного поэта, овеяно легендами.

А каким Денис Давыдов был в детстве? Денис рос озорным, находчивым, резвым и смекалистым. С малолетства в нём просматривалась судьба будущего талантливого военачальника. И в основу рассказа «Военная хитрость» легли подлинные события.

— Ищи! — крикнул Денис, и в ответ из ближнего леса донеслось протяжное:

— И-щи-и-и...

Голос плывёт над кудрявыми серебристыми вязами, над шелковистым прибрежным лужком, над озёрной ширью и теряется далеко вдаль. Дневной жар ещё курится над соломенными крышами хат, над пожелтевшей, мягкой от пыли дорогой.

Мальчик спрятался в кустах у дороги и замаскировался: попробуй теперь найди!

Всматриваясь в ряды стройных пирамидальных тополей, выстроившихся вдоль дороги, Денис представил себе шеренгу воинов-великанов, готовых ринуться в бой по первому его приказу. Пусть только покажется враг!

Тем часом сын полкового егеря Андрейка, пригибаясь к земле и оглядываясь, осторожно пробирался к опушке леса. Его рыжая голова то и дело мелькала в кустах, словно солнечный одуванчик.

По уговору, достаточно было подкрасться и дотронуться до плеча противника, чтобы тот считался побежденным.

Андрейка полз по траве, прислушиваясь, замирая и чутко ловя звуки и малейшие шорохи. У дороги он решил залезть на тополь, чтобы получше разглядеть с

высоты опушку леса: не спрятался ли там Дениска? С трудом дотянулся до верхинной ветки дерева, осмотрелся кругом: не покажется ли где белая рубашка?

Вдалеке змейкой вился дымок над крохотными белоснежными хатами. По пыльной дороге грузно ступал могучий вол. Зеленовато-голубым цветом отливала вода в озере, по которому плыли малые островки, словно куличи пасхальные, все в горящих свечах — золоте цветущих купав. Заглядевшись на эту красу земную, Андрей на миг позабыл про Дениску. Его внимание привлекли круги, внезапно возникшие на середине озера.

«Что там? — удивился Андрейка. — Неужто резвятся рыбы?»

Он соскользнул с дерева и, на беду, разорвал о сухой острый сук штанину. «Семь бед — один ответ! — махнул рукой Андрейка. — У Дениски и вовсе рукав оторван». И, пригибаясь к земле, побежал к озеру.

Едва голые пятки мальчика коснулись воды, как кто-то хлопнул его по плечу.

— Стой! — раздался звонкий голос Дениса, появившегося внезапно, будто выросшего из-под земли, — Теперь ты мой пленник! Руки вверх!

— Аты... ты от... ку... да? — заикаясь от неожиданности, спросил Андрейка. — Там... на воде круги какие-то чудные... Сплаваем, поглядим...

— Круги? — рассмеялся Денис. Он размахнулся и далеко бросил плоский камень-голыш вдоль озера, глядя, как он, проносясь пулей, скользнул и несколько раз вынырнул из воды, оставив на безмятежной глади круги. Лукаво подмигнул другу:

— Военная хитрость!

«Хит-рость!» — Андрей шмыгнул носом, поскрёб с досады в затылке и, для острастки погрозив Денису кулаком, медленно поднял руки вверх.

ПАРТИЗАН

Отрывок

Умолкнул бой. Ночная тень
Москвы окрестность покрывает;
Вдали Кутузова курень
Один как звёздочка сверкает.
Громада войск во тьме кипит,
И над пылающей Москвою
Багрово зарево лежит
Необозримой полосой.

И мчится тайною тропой
Воспрянувший с долины битвы
Наездников весёлый рой
На отдалённые ловитвы.
Как стая алчущих волков,
Они долинами витают:
То внемлют шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжают.

Начальник, в бурке на плечах,
В косматой шапке кабардинской,
Горит в передовых рядах
Особой яростью воинской.
Сын белокаменной Москвы,
Но рано брошенный в тревоги,
Он жаждет сечи и молвы,
А там что будет... вольны боги!

1826

ПЕСНЯ

Я люблю кровавый бой!
Я рождён для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарский,
С вами век мне золотой!
Я люблю кровавый бой!
Я рождён для службы царской!

За тебя на чёрта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!
За тебя на чёрта рад,
Наша матушка Россия!

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами;
Днём — рубиться молодцами,
Вечерком — горелку пить!
Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами!

О, как страшно смерть встречать
На постеле господином,
Ждать конца под балдахинном
И всечасно умирать!
О, как страшно смерть встречать
На постеле господином!

То ли дело среди мечей!
Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадаешь,
И не думая о ней!
То ли дело среди мечей:
Там о славе лишь мечтаешь!

Я люблю кровавый бой!
Я рождён для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарский,
С вами век мне золотой!
Я люблю кровавый бой!
Я рождён для службы царской!

1815

* * *

Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений
И мимолётных сновидений
Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мне имя той,
Которой память — мука жизни,
Как на чужбине песнь Отчизны
Изгнаннику земли родной!

Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшие напасти —
Дай отдохнуть тревогам страсти
И ран живых не раздражай!

Иль нет! Сорви покров долой...
Мне легче горя своеволье,
Чем ложное холонокровье,
Чем мой обманчивый покой!

1834

СОВРЕМЕННАЯ ПЕСНЯ

Отрывок

Был век бурный, дивный век,
Громкий, величавый;
Был огромный человек,
Расточитель славы.

То был век богатырей!
Но смешались пашки,
И полезли из щелей
Мошки да букашки.

Всякий маменькин сынок,
Всякий обирала,
Модных бредней дурачок,
Корчит либерала.

1836

Н. Самокиш. Подвиг солдата Раевского под Салтановкой. 1812 г.

Про котёнка

Сашка и Мишка кидались подушками и пытались перекричать друг друга; вокруг ребят летали перья, а Мишкина сандалия, запущенная в Сашку, опрокинула вазочку. «Котёнка назову Тимошей», — надрывался Мишка. «Нет, Васькой», — плакал Сашка.

А котёнок в это время покатил клубок шерстяных ниток за один порог, за другой порог — прямо на улицу. Клубочек юркнул в траву — и исчез. Тогда пушистый серый котёнок стал играть осенним листом. Поддел его левой лапой, потом правой, придвинул к себе — и весь, как на ладони, уместился на этом красочном послании клёна. Подул ветер — в один миг взлетел котёнок — чуть было не приземлился на низкую крышу сарая. Поросёнок в сарае сонно хрюкнул: «Хрюп». «Я — Хлюп», — решил котёнок. Лист, на котором он закружился над двором, прильнул к карнизу и сорвался вниз, а котёнок перевернулся в воздухе — и едва успел ухватиться за первую попавшуюся ветку. Эта ветка нависала над бочкой, до краёв заполненной водой. Котёнок увидел своё колеблющееся отражение и перепрыгнул через непонятного двойника на землю. Его поразили незнакомые запахи, и он решил старательно осмотреть двор; по-

нюхал зелёную кочку, а кочка вдруг растопырила лапы и прыгнула в лужу. И опять котёнок услышал «Хлюп», а потом «Кваква — ха! ха! ха!».

Хлюп решил, что над ним смеются, прошмыгнул через доски забора и услышал над головой стук и шум. Два сторожевых пса, с висячими ушами, сидели за столом под липой, закинув задние лапы одна на другую, и беспрестанно щёлкали большими фишками домино. Собаки рычали, зевали, иногда гавкали, но так, к счастью, увлеклись, что не заметили маленький серый комочек.

Хлюп от шума сбежал — и не заметил, в какое отверстие шмыгнул, а когда замаякал, не понял, что это он мяукает. Забегал, заметался, прижался к стене своего дома, не узнав его, и чуть было не прыгнул в маленькое подвальное оконце размером с форточку. В тесном помещении, возле ящика, напоминающего стол, сидели две большие, усатые, лоснящиеся крысы. Перед ними лежали кусочки сала, сыра и сахара. Крысы аппетитно чавкали и свистящим громким шёпотом что-то обсуждали. Хлюп прислушался. Оказывается, речь шла о нём. «Кажется, — говорила старая крыса, — этот подкидыш больше не появится, и мы сможем по ночам свободно

воровать гречневую крупу из кухни мальчишек, собирать хлебные крошки, вытаскивать сахар из шкафа». «Я так рада, — отвратительно усмехнулась другая крыса, — что больше не будет кошачьего запаха, который я не выношу как отраву. Наверняка котёнка съели соседские собаки, и он больше никогда не вернется сюда».

Котёнок отпрянул от оконца. Его так потрясло всё увиденное и услышанное, что он сразу повзрослел и стал умным котом. Во-первых, он понял, что попал домой, во-вторых, по крысиным мордам он сразу узнал своих лютых врагов и почувствовал себя самым главным в доме, способным постоять за маленьких братьев и их маму. Он, с гордо поднятым хвостом, прошествовал по двору, прыгнул на дерево, потом — в оконную форточку — и оказался на плече у Мишки. «Тимоша!» — радостно закричал Мишка и поцеловал усатую морду любимца. И только котёнок знал, что его зовут Хлюп.

Новые знакомые моей внучки

Живая брошка

Однажды Аня увидела бабочку, которая билась-трепыхалась у окна. Она хотела вылететь из комнаты, но стекло мешало. «Сядь ко мне на пальчик, и я тебя вынесу на улицу», — сказала Аня бабочке. И хотите верьте, хотите нет — бабочка села на Анин пальчик. Аня вышла на крыльцо. «А теперь — лети!» И бабочка, вспорхнув, улетела.

На день рождения к Ане пришли её подружки — соседские девочки. И вот когда они в саду пили чай с конфетами и пряниками, к ним прилетела та самая бабочка. Покружила над столом и села прямо Ане на грудь. И долго сидела, то складывая, то расправляя свои шоколадные крылышки. Как живая брошка.

Две лягушки

В нашем саду было много лягушек. Они жили под кустами сирени. Но часто прыгали по дорожкам. Наверное, в поисках воды — лето стояло сухое.

«Аня, ты бы полила лягушек из лейки. Им же жарко», — как-то сказал я шутя. Аня же отнеслась к моим словам совершенно серьёзно. Тут же набрала из бочки в лейку воды. Долго ходила по саду, пока не увидела двух лягушек. И стала их поливать. И вот что удивительно — они не испугались. А когда Аня отошла, вода в лейке кончилась, лягушки запрыгали за ней — мол, полей ещё...

Так у моей внучки появились две знакомые лягушки. Им очень нравилось, когда Аня поливала их.

Крот

Этим летом у нас на даче в огороде появился крот. Кто не знает, крот это маленький пушистый зверёк, который живёт в земле. Он прорывает там длинные ходы, ну, как бы устраивает себе метро. А землю выбрасывает наружу. Вот эти кротовые кучки я и показал своей пятилетней внучке.

— Аня, смотри, что у нас в огороде крот натворил. Надо капкан ставить, а то он у нас все грядки перероет.

И я между двумя кучками вырыл ямку для капкана. Сходил в магазин и купил капкан, кротовую ловушку. Возвращаюсь, смотрю — в огороде у той самой ямки сидит на корточках Аннушка. Что она там делает? А когда подошёл ближе, услышал её шепот:

— Кротик, ты слышишь меня? Дедушка за капканом пошёл. Хочет поймать тебя. Убегай скорей!

Не знаю — услышал ли крот мою внучку, но капкан я ставить не стал.

Зайцы тихо сидели под кустом сложа руки.

В комнате никого не было, был только один беспорядок.

Долго не могли в этом признаться, а потом всё же поженились.

В комнате потас свет, и мы включили свечку.

Кирбальмандынтурбинкасы Баршидович — так ласково называют своего учителя жители села Бешмаркантыгданбай. Пожелаем им удачи в том нелётком деле!

Книга наш друг, а друга нельзя рвать и пачкать.

Первые успехи Пьера Безухова в любви были плохие — он сразу женился.

Троекуров был хотя не глуп, но немного с приветом.

Раскольников потрянул стариной.

Мне нравится то, что с таким талантом Пушкин не побоялся стать народным поэтом.

Баба-Яга прятала свою добрую душу в ступе с метлой.

Алиса
Лисичкина,
12 лет,
г. Самара

ЗИМА. ВЬЮГИ. МОРОЗ

У меня есть одни знакомые. Это собаки. Я очень, очень рад тому, что их знаю. Ведь таких друзей сложно найти — ну буквально ни дня они не пропускают, чтобы собраться на запорошённой снегом опушке и начать беседовать. У них, псов, своя речь, свой особый язык, говор. Так забавно смотреть, как усядутся они на наст и начнут бурчать, лаять, поскуливать.

На них падают большими хлопьями слипшиеся снежинки. Собаки ловят их, кусают, сбивают лапой. Затем вдруг подскакивают и прыгают прямо в сугробы — тонут в них, кувыркаются, бултыхаются. Небольшие снежки разлетаются во все стороны. Снег скрепит; тонкая заледенелая корка наста ломается и тоже присоединяется к общему хрусту.

Моим четвероногим приятелям хорошо и радостно. Они играют со снегом и между собой, ворчат и шутливо покусывают друг друга. Казалось бы, такие непохожие друг на друга: Бордер-колли, лабрадор, овчарка, просто небольшая беспородная собачонка... Но как же здорово они ладят между собой! Вот так глядишь себе на них, и тоже хочешь сделаться каким-нибудь пёсиком и присоединиться к их задорной возне.

Но вот собаки выдохлись и выбились из сил; они просто сидят и оглядывают

поляну, куда так часто приходят, как совершенно незнакомое место. На еловых лапах шапками лежит снег — чуть заденешь лапой или хвостом — и так и сыплется на тебя, обнажая заледенелые хвойные колючки с черноватыми шишечками. Прежде пышные кустарники, столь красиво цветущие весной, превратились в пучки голых ветвей, торчащих из белого покрова. Порой в небе пролетает какая-нибудь ворона, но и та не задерживается надолго — на опушке сидят только друзья псы.

В тишине и безмолвии они смотрят друг на друга — видать, любят. Из приоткрытых пасть клубами валит пар. Но как бы ни были красивы эти мои знакомые внешностью, самое милое в них — их глаза. Карие, янтарные — такие преданные и умные. Не лишены и серьёзности — но так сверкают они весёлыми огоньками во время игры!

Кажется, что мои знакомые улыбаются друг другу. Пасть, но хочется сказать даже рот, растянулась до ушей.

И в такие моменты чувствуешь — у собак есть человеческий разум, такое же, как у нас, понимание. У них есть такие же чувства, они могут так же глубоко мыслить — только не всегда мы это замечаем. Но если вы взгляните, то поймёте это.

Вот мороз крепчает. Псы начинают немного замерзать. Они прощаются — трутся носами, облизывают друг друга. Расходятся в разные стороны к своим домам, таким тёплым и уютным.

И вот только следы от лап остались на поляне.

ОСЕНЬ. ЛИСТВА. ГРИБЫ

Я и мой любимый ирландский сеттер Чарли пересекаем высокие пожелтевшие травы. Осенний лес встретил нас приветливыми, яркими красками всевозможных огненных оттенков — золотистые берёзы, багровая жимолость, рыженькие осины и другие деревья, неизвестные мне, с почти пурпурной листвой. Свежий, необыкновенный аромат грибов, желудей, опавших листьев, прочего лесного сора, аромат, который появляется только осенью, и чаще после дождя, наполняет всю

округу. Но нам с Чарли повезло — сейчас сухо и солнце вовсю сияет своим золотистыми лучами.

Буро-красная волнистая шерсть Чарли блестит на свету. Он идёт быстрым шагом, в нетерпении охотника, который подстрелил добычу и торопится подобрать её. Карие умные глаза Чарли сверкают забавными искорками. Листья громко шуршат под его лапами.

Он ворчит и поскуливает, зовёт меня за собой — похоже, что-то нашёл. Мимо пролетела последняя бабочка. Пёс постарался схватить её зубами — но поздняя крылатая красавица уже скрылась в чаще. А он уже забыл про неё и пошёл дальше.

Я невольно залюбовался своим псом. Казалось бы, он ведь совсем недавно был маленьким, трёхмесячным щенком, несмышлёным, маленьким комочком, который такой тёплый и пушистый, когда сажаешь его себе на колени и гладишь... А теперь вот — уже большой, взрослый и вполне самостоятельный пёс, который всегда готов помочь мне в непростом охотничьем деле. Сколько ценных трофеев мы уже заполучили!.. Да... Как быстро летит время. И это не всегда хорошо. Я знаю, что верный старина Чарли не всегда будет со мной. И боюсь, что не успеешь оглянуться, а место на лежаке у камина уже будет пустовать...

Наконец мы вышли на широкую просторную поляну. Высокими неприступными стенами стоят вокруг неё величественные сосны с красными стволами. Под одну из них и залез Чарли, подзывая меня лаем. Что же там такое может быть? Я подошёл и заглянул под колючую хвою.

И невольно рассмеялся — оказалось, что мой четвероногий друг учуял целое семейство рыжиков, уютно расположившихся во мху. Ну что же, грибы тоже вполне хорошая добыча — выйдет замечательный грибной суп. Я сорвал почти все рыжики и уложил в небольшую плетёную корзину, которую запасливо взял с собой и не ошибся с этим. Затем почесал довольного Чарли за ухом, и мы пошли дальше по свежему осеннему лесу, который ещё много лет будет радовать нас такими прогулками.

Наш ВЕРНИСАЖ

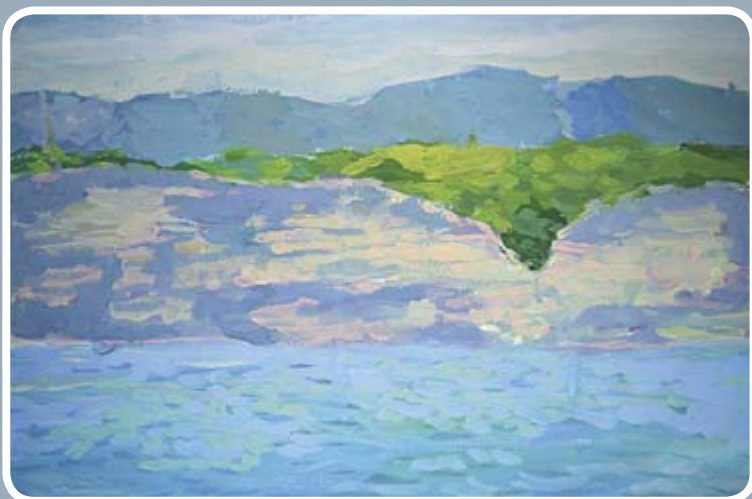
Рисунки Зайцева Владислава,
10 лет, МАОУ СОШ № 84 г. Краснодара. 4 «Д» класс

Классный руководитель Мартыянова Анна Сергеевна.

Учитель рисования Сальников Андрей Викторович.

«Привет, Россия — родина моя!

Как под твоей мне радостно листвою!»

О & Ашипки

Какой тоской душа ни сражена,
 Быть стойким заставляют времена.
 Всё вынес старый, твёрд и несгибаем
 Мы, юные, того не испытаем.

Вильям Шекспир «Король лир»

Андрей Гончаров. В. Шекспир. Король Лир. Иллюстрация. 1950 г.

РАССКАЗЫ:
 Новенький

УГОЛОК РОССИИ:
 Памятник тюленю

РАССКАЗЫ:
 Новые знакомые моей внучки